

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

МЕФРОДИЙ БУСЛАЕВ™

ОШИБКА ГРИФОНА

ХУЛИГАНСКОЕ ФОНТЕЗИ!

Методий Буслаев

Дмитрий Емец
Ошибка грифона

«Емец Д. А.»

2015

Емец Д. А.

Ошибка грифона / Д. А. Емец — «Емец Д. А.»,
2015 — (Мефодий Буслаев)

В Эдеме произошло непоправимое – по вине Буслаева один из двух последних грифонов сбежал в человеческий мир. Об этом тут же стало известно Мраку, и теперь магическое животное преследуют члены древнего темного ордена: охотники за глазами драконов. Если им удастся заполучить грифона, защита Света ослабнет навсегда и что тогда произойдет, не знает никто. Мефодий и Дафна должны во что бы то ни стало вернуть беглеца или найти ему замену. И единственный, кто мог бы им помочь, это Арей, вот только он уже давно мертв... Мефу придется спуститься в глубины Тартара и отыскать дух учителя, но возможно ли это? Особенно сейчас, когда сам Мефодий стал златокрылым? Ничуть не легче Ирке. Ей необходимо найти преемницу валькирии ледяного копья. И самая подходящая кандидатура – Прасковья, бывшая наследница Мрака, неуравновешенная и неуправляемая. Как же Ирке ее уговорить?

© Емец Д. А., 2015

© Емец Д. А., 2015

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	27
Глава четвертая	31
Глава пятая	39
Глава шестая	44
Глава седьмая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дмитрий Емец

Ошибка грифона

© Емец Д., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Этот человек имел отношение к науке о растениях и знал много разных вещей. Знал, например, что есть такое понятие: спящая почка. У яблони ее не видно, но садовник умелой обрезкой дерева может заставить ее пробудиться, и тогда на гладком месте вдруг выстреливает новый побег. Старый знакомый (...) однажды сказал ему, что и у человека бывает что-то похожее на это явление. Ты можешь прожить долгую жизнь и даже отойти в лучший мир, так и не узнав, кто ты – подлец или герой. А все потому, что твоя жизнь так складывается – не посылает она испытаний, которые загнали бы тебя в железную трубу, где есть только два выхода – вперед или назад. Но может и послать.

Владимир Дудинцев. «Белые одежды»

Я назвал это чувство радостью, и это научный термин, который нельзя отождествлять со счастьем и удовольствием. У моей радости есть с ними одно общее свойство – каждый, кто их испытал, хочет их вернуть. Сама по себе радость скорее похожа на особую печаль, но это именно те муки, которых мы жаждем. Несомненно, каждый, кто их испытал, не променял бы их на все удовольствия мира. Удовольствия, как правило, в нашем распоряжении; радость нам неподвластна.

Клайв Стейплз Льюис

Глава первая

Юность мечника

– Почему свет не говорит с людьми каждодневно, каждую секунду, каждое мгновение нашей жизни? Мы бы так этого хотели: слышать его, быть всегда с ним!

– Мы только притворяемся, что хотим бы. Мы очень быстро перестали бы его слушать! Мы фыркали бы на свет, как фыркаем на родителей, отворачивались бы, притворялись глухими. А это был бы даже не абсолютный тупик, а даже не знаю как назвать. Хуже тупика.
Бэтла и Гелата (из диалога)

Арей сидел на берегу быстрой предгорной реки и смотрел на свое отражение. Река вздрагивала от скрытой силы. Сотрясала камни на дне. Вода непрерывно сменялась, и Арею казалось: она одно за другим уносит его отражения, а на месте унесенных рождаются новые.

Арей зачерпнул воды ладонью. Стал пить. Потом, бросившись на живот, окунул в реку голову и раскинул руки. Река шевелила его, сдвигала, пыталась унести с собой. Арей лежал и смеялся в воду, пока не закончился воздух. Тогда он встал и выбрался на берег.

Арей был изящен и тонок. Маленькая борода. Небольшие усики. На голове – короткий ежик волос. За спиной у Арея вздымались огромные крылья. Он не любил убирать их, как другие стражи. Никакой дематериализации! Если у тебя есть крылья, зачем их прятать? К тому же от частых дематериализаций перья портятся, как волосы от частого мытья.

Давая крыльям обсохнуть, Арей взмахнул ими, и река пошла рябью от сотен сорвавшихся с перьев капель. Раскинув крылья, он встал по ветру. Стоять с распахнутыми крыльями было непросто. Он постоянно чувствовал тугое давление воздуха, сбивавшее его с ног. Попытался дотянуться до ствола молодой ивы, но сильный порыв ветра толкнул его в грудь, и, чтобы не упасть, Арей взлетел.

Набрал высоту. Понесся к реке, сделал у воды «бочку», затем «змейку» и дальше уже летел без фигур, изредка снижаясь, чтобы зачерпнуть ладонью воды. Легок и стремителен был его полет. Не задумываясь, Арей повторял все изгибы реки, легко уходя от столкновения с наклоненными деревьями.

Сияло солнце. Река, разбиваясь о выступающие камни, обдавала Арея брызгами. Крылья надежно опирались о воздух. Чувствовали все его потоки, ловили малейшие случайные ветерки, налетающие с берегов, сверху и снизу, и либо использовали их, либо, уклоняясь, позволяли им безобидно скользить по перьям.

Но тревога все равно грызла Арея. Он не чувствовал себя таким же счастливым, как в Эдеме. Не мог летать столь же безмятежно. Не испытывал больше той незримой любви и защиты, которые прежде постоянно были с ним и которых он раньше совсем не ценил.

Теперь Арей был сиротой. Но не несчастным сироткой, а сиротой, добровольно бросившим своего отца и расклевывавшим связывающую их пуповину...

Впереди показался утес. Огромный, черный, нависающий над рекой. Сдавливал, преграждал русло. Пропускал под собой бурлящую, негодующую реку. Арей развернул крылья параллельно земле, на мгновение почти встав на воду, затем вскинул их над головой, несколько раз с силой взмахнул и – опустился на утес. Здесь он сел и, повернув голову, стал рассматривать свои крылья.

Его волновали даже не темные перья, которых теперь было больше половины. Темные перья появлялись у Арея и прежде, еще в Эдеме. Порой они темнели, затем, когда он разби-

рался, где допустил ошибку и исправлялся, опять светлели. Перья были как зеркало, позволявшее взглянуть на свое внутреннее состояние со стороны.

Ладно! Темные перья, и темные! Копаться в себе Арей никогда особо не любил. Он не Троил, в конце концов, который наказывает себя за малейшую душевную слабость и из любой черной точки на кончике пера устраивает трагедию. Черные перья, или серые, или белые! Какая, в конце концов, разница! Крылья должны обеспечивать полет, и все! На скорость цвет не влияет! А летает Арей лучше Троила! Лучшие их всех!!!

Арей подумал об этом, и остатки хорошего настроения смялись как подгнившая груша, на которую наступили сапогом. **Летает или летал?** В последние недели в крыльях возникла какая-то онемелость. Каждое утро, просыпаясь, он чувствовал то, что чувствует человек, отлежавший во сне руку. Приходилось долго разрабатывать крылья и много летать, прежде чем контроль над ними восстанавливался.

– Что ты тут делаешь? – внезапно раздался голос за спиной у Арея.

Даже не оборачиваясь, Арей узнал Лигула. У него был неприятный, стеклянный какой-то голосок. Вроде бы и ласковый, и участливый, но ужасно противный. Арей любил искренних стражей, у которых всякое слово равно чувству. Хорошо стражу – хохочет. Плохо – огрызается, забивается в угол. Пусть даже кричит, ругается, но не хитрит и не выдавливает улыбку.

С Лигулом все было иначе. Он обволакивал, втискивался в душу. Расспрашивал, всегда узнавал подробности и никогда ничего не забывал. Любил подружиться, а потом предать. Причем и дружил, кажется, искренне, и предавал искренне. Все это у него как-то сочеталось.

Арей иногда думал о Лигуле и удивлялся, как много подлости в нем уместается. Бездна подлости. Океан. Но раз столько подлости, значит, столько же было в нем в момент творения чистоты, искренности, радости. Потому что для подлости тоже нужна глубина, а глубина всегда задается изначально.

Сейчас же с Лигулом вообще нереально было общаться. Стоило, положим, Арею случайно упомянуть при нем, что у него паршивое настроение, как Лигул сразу выкатывал глазки и хватал его за руку:

– Ах! Ты устал! Ах! Ты заболел!

Проходил день или два. Арей уже успевал забыть, что когда-то там жаловался на настроение, но Лигул помнил. И при случае будто случайно заявлял Кводнону:

– Арей хочет вернуться к свету!

Кводнон вздрагивал и, поворачиваясь, пристально смотрел на Арея:

– Ты хочешь вернуться? Арей, почему?

– Куда вернуться? Я ничего такого не говорил, – торопливо возражал Арей.

– Ну Арей, ты же говорил, что у тебя скверно на душе? Говорил или нет? Вот я и подумал, что ты скучаешь без света, – пищал Лигул.

Кводнон больше не слушал Лигула. Про Лигула он давно все знал и едва ли заблуждался на его счет. Он смотрел на Арея. Арей же старался не смотреть на Кводнона. Тот гибок и силен, его тонкое лицо исполнено нервной красотой мысли, но последнее время с ним что-то происходит. Половина лица становится менее подвижной. Кожа обвисает, точно мумифицируется, и это страшно вдвойне, потому что другая половина лица остается такой же прекрасной, как тогда в Эдеме, когда многие пошли за ним, пораженные невероятной красотой, которой полыхало это озаренное светом вдохновенное лицо. Тогда они подумали, что это свет самого Кводнона. Но он оказался лишь отблеском.

– Разве мы не ушли все вместе? Разве это не было нашим общим решением? Разве мы не собираемся проложить СВОЙ ПУТЬ? – спрашивал Кводнон медленно и страшно.

– Да, – эхом откликался Арей. – Свой путь!

Он не кривил душой. Он действительно собирался прокладывать свой путь. Только не понимал, почему должен прокладывать его с такими, как Лигул.

Сейчас, на камне над рекой, Лигул топтался рядом с Ареем. Пытался заглянуть ему в лицо, но Арей стоял на краю утеса, и забежать вперед Лигул никак не мог. Да еще эти раскинутые крылья! Арей скрыт за ними как за щитом.

– Что ты тут делаешь? – нетерпеливо повторил Лигул.

– Стою, – ответил Арей, по-прежнему глядя лишь на воду.

– И все?

– А что ты хочешь, чтобы я делал?

Лигул некоторое время ждал продолжения, но, увы, продолжения не было. Арей старался отвечать кратко, потому что Лигул даже из одного слова мог вылепить невесть какие конструкции лжи.

«Арей стоит! – скажет он Кводнону. – Арей, ты признаешь, что ты стоял? Я ведь не искажаю факты? А ведь обычно ты такой деятельный! Когда деятельные люди стоят, они что-то задумывают, не так ли? Расскажи нам с Кводноном, что ты задумал! Может, тебя что-то тревожит? Мы же друзья!»

Арей, конечно, что-то прорычит. Он не считает Лигула другом, да и Кводнона теперь тоже. Но говорить об этом нельзя. Лигул сразу зацокает язычком. Его маленькое личико выразит искреннее огорчение.

«Ты злишься, Арей? Почему? Ты нам не доверяешь? Может, объяснишь почему?»

Но сейчас всю эту цепочку было не раскрутить. Арей просто молчал, и Лигула это выводило из себя.

– Значит, крылышки сушишь? – невинно спросил он.

Голос у него был дружеский, участливый. Но Арея этим было не обмануть. Он понимал зависть Лигула. У Лигула крылья отпали одним из первых. Облетели как осенние листья. Некоторое время на лопатках еще сохранялись культяпки, похожие на присохшие к ветке черенки скелетированных листьев. Все ждали, пока они исчезнут, но культяпки почему-то не исчезали. Напротив, они укорачивались, толстели, сливались со спиной и при каждом шаге вздрагивали, как подушки жира. Арею уже понятно было, что со временем жир слезится и образует горб.

– Да, – ответил Арей. – Сушу. Ты как всегда наблюдателен.

Иронией Лигула не прошибить. Он и иронию умеет использовать во вред. Главное, что Арей заговорил. Неузвимо только молчание. Когда же Арей говорит, всегда можно найти лазеечку для змеиного жала.

– Да, – мягко согласился Лигул. – Наблюдательности у меня не отнять. Я замечаю... только не обижайся... ты стал летать как-то хуже... Нет, все так же быстро, я не спорю... Но что-то стало пропадать. Какая-то, знаешь, легкость полета! Раньше ты летал как мастер, а сейчас – как умелый ученик... Да и перья, знаешь, какие-то ломкие стали. Вот еще одно выпало. Ай-ай!

Лигул наклонился и, подняв с камня крохотное перышко, смиренно протянул его Арею. Двумя пальчиками протянул. Мизинец с длинным аккуратным ноготком предупредительно отставлен. Арей покосился на перо. Да, сомнений нет. Это действительно перо из его крыла. Не птичье, не какое-нибудь еще. Его перо.

– Спасибо! – сказал Арей.

Лигул вздрогнул точно от удара и едва не упал в реку. Арей еще мог говорить «спасибо», Лигул и Кводнон уже давно нет.

– И кого ты благодаришь? – завопил Лигул в ужасе. – Кого?!

– Тебя, – сказал Арей. – Перышко вот ты мне нашел! Я и сказал «спа...».

– НЕ-ЕТ! – Лигул понятился. – Ты безумец! Ты еще на что-то надеешься! Надо гадить Ему, гадить!.. Отомстить Ему надо!

– За что? – спросил Арей. – Разве у нас что-то отняли, когда мы ушли из Эдема? Он был к нам великодушен.

– Ничего не отняли?! – зашипел Лигул. – Ничего? А мои крылья? А лицо у Кводнона? А маголодии?

– Никогда не любил играть на флейте, – сказал Арей без сожаления.

– Твой свет нам ничего больше не дает! Вообще ничего! Мы тратим только то, что у нас есть!.. Живем на старых запасах! А что потом? Что будет, когда они исчерпаются?

– Ну, это уже не Его вина. А ты как хотел? Обрубить все связи и что-то продолжать получать?.. Не думай, что я сожалею о своем уходе. Я ни о чем не сожалею. Но все же тут что-то одно: или плевать в колодец, или пить из него воду.

Бровки Лигула на мгновение вскинулись, и Арей безошибочно понял, что его фразу запомнили и сегодня же передадут Кводнону. Эх, Лигул, Лигул! А ведь когда-то и ты был светлым стражем и плакал порой от радости и восторга, целуя лепестки цветов! А какой у тебя был почерк! Лучший в Эдеме! Каждая буква прекрасна, как готический замок! А завитушки, а переходы между буквами, а рисованные элементы! Если твоим полетом, Лигул, никто никогда не наслаждался, ибо летал ты как сброшенный с горы пингвин, то смотреть, как ты пишешь, собирался весь Эдем!

– Конечно, побежишь сейчас к Кводнону? Опять у меня будут неприятности, – сказал Арей.

Лигул едва не облизнулся от удовольствия. Он обожал комбинации, когда кто-то просил его чего-то не делать. Такая просьба создает страх, а страх порождает зависимость. Лигул же обожал, когда кто-то от него зависим.

– А что? Советуешь промолчать? – спросил он вкрадчиво.

– Да нет. Почему? Говори, конечно... – зевнул Арей, быстро заступая Лигулу за спину, чтобы преградить путь к отступлению. Теперь тот, не имея крыльев, никак не покинул бы утес.

Лигул пугливо оглянулся. Внизу плескала и ревела вода.

– Жарко сегодня. Не купался еще? – невинно спросил Арей.

– Нет! – взвизгнул Лигул. – Не делай этого! Я не умею плавать! Ты пожалеешь!

– Такая уж моя судьба! всю жизнь я совершаю поступки, о которых потом жалею. А когда не совершаю их, то жалею, что не совершил, – грустно признал Арей.

– Нет! – закричал Лигул. – Поклянись, что пальцем меня не тронешь!

– Клянусь, что пальцем не трону, – пообещал Арей и, подождав, пока на личике Лигула появится облегчение, сильно взмахнул крыльями, создав воздушную волну.

Лигул завизжал, замахал руками и, так и не сумев вцепиться в Арея, свалился со скалы в реку. Подождав, пока затихнет вопль и горбуна затянет под камень, Арей неторопливо взлетел и завис над водой с противоположной стороны утеса. Вот кипящий котел выплонул корягу, вот бешено завертелся сосновый ободранный ствол, вот мокрые ветви. А вот и непонятный, облепленный водорослями шар, захлебывающийся, жадно хватающий воздух.

– Как тебя зовут, голова? Тут у меня друг упал! Ты его не видела, голова? Тебя как вообще зовут? – спросил Арей.

Голова что-то бессвязно захрипела, тараща глаза.

– Наверное, я обознался, – извинился Арей. – Того, кого я ищу, звали как-то иначе. С меньшим количеством булькающих звуков... Ну ладно! Спасу тебя ради доброго дела. Может, перышко какое побелеет.

Он сгреб утопающего за шиворот и, ударяя его по рукам, чтобы тот в него не вцеплялся, отбуксировал к берегу. Двойной вес да еще течение – серьезная нагрузка для крыльев. Арей и

сам едва не свалился в реку, пока тащил. Утопающий, слепо шаря руками, выполз на берег и упал на живот. Потом, пошатываясь, встал на четвереньки. Его рвало, но даже сквозь рвоту он ухитрялся выкрикивать угрозы.

– Ну вот! Никакой благодарности! «Спасибо», и то не сказали! – сказал Арей и взлетел, предварительно убедившись, что его «спасибо» заставило беднягу Лигула опрокинуться в собственную же лужу.

Он ни о чем не жалел. Даже о том, что ему достанется от Кводнона, и, видимо, сильнее обычного. Но и так бы досталось. Лигул есть Лигул. Относишься к нему хорошо – он шантажирует и хамеет. Относишься к нему плохо – мстит. И в обоих случаях гадит. Такая вот парадоксальная личность. А ведь тоже строитель новой жизни, бросил вызов рутине – ну и все такое прочее.

А вот чистюля Троил никогда бы не поступил, как Лигул! Кажется хрупким и мягким, но на деле – скала! Хоть и уступчивый, хоть и можно на него всегда свалить самое неприятное дело, которое не хочется делать самому, – а ведь не пошел же с ними! Не увлекся сиянием Кводнона и его зовущими за собой словами: «Свобода! Путь! Независимость! Сами проживем!»

Просто отвернулся и ушел, когда все кричали, что никому ничем не обязаны! Эх, яблочки эдемские, как все запутано в этой жизни!

Арей летал еще около часа, но настроения уже не было. Он все прокручивал в памяти слова Лигула, что перья стали ломкими. Да, так и есть! С каждым днем в перьях появлялась неумолимая жесткость, которая одна и отличает мертвое крыло от живого. Но Арей не замечал ее, потому что боялся думать о том, что новые перья не растут, а старые рано или поздно, не имея смены, выпадут или сломаются. Вскоре он станет таким же бескрылым стражем, как Лигул или Кводнон, который давно уже не рискует летать, хотя, возможно, на материализацию крыльев еще и способен.

– А ну хватит ныть! Выбрал путь – иди! Привыкай, что летать ты скоро не сможешь! – вслух сказал Арей и назло себе, назло всем поднялся на огромную высоту.

Прежде на такую высоту он поднимался, быть может, всего один или два раза в жизни. Холод здесь был запредельный. Суровые ветра, как овчарки, сгоняли вместе бараны стада туч. Вырывающийся изо рта воздух превращался в лед. На перьях застывали сосульки. Арей обламывал их там, где доставала рука. Другие поневоле оставлял, и они, сталкиваясь, позвякивали.

Зная, что здесь его никто не увидит, Арей дал себе волю. Метался в тучах, кричал, бил их кулаками, вспарывал крыльями.

– Почему меня изгнали?.. За что? – кричал Арей. – Но разве я не сам хотел уйти? И вот я получил что хотел – но почему же мне так больно и плохо? Потому что дверью хлопнул не я?

Арей кричал, врзался в грозовые тучи, заставлял их метать молнии, но ответа не получал. И отлично знал, почему это происходит. Потому что ответ этот уже был в нем самом, а он желает какого-то иного ответа. А зачем отвечать, если правильный ответ заранее не устроит вопрошающего? Если он заранее готов его отрицать, в диком упрямстве повторяя одно и то же?

Щенок сосет молоко матери и растет. Если он отказывается сосать молоко, то погибает. Мать не может заставить его сосать. Она может только толкать его носом, массировать языком, возможно чуть покусывать – и все. Остальное – это свободная воля щенка, куда бы она ни вела.

Он, Арей, ощутил в себе перемену еще в Эдеме, еще до близкого знакомства с Кводноном. Началось все с того, что он перестал мысленно разговаривать с незримым, трепетным светом, вдохнувшим в него жизнь. Случилось это как-то совсем непрямо, когда он захотел превзойти всех в полете. Переключился на свои крылья. Заиклился на них. Изучал, как влияет

на полет расположение каждого пера. Угол его изгиба, плотность, форма. Ведь даже мелкие, немаховые перья могут изменить характеристики полета, по-разному взаимодействуя с воздухом.

С незримым светом он уже почти не говорил. Все его дары воспринимал как должное. Едва ли не считал, что ему обязаны за то, что он, Арей, позволил произвести себя на свет. И теперь, раз его выпустили в мир, за ним обязаны бесконечно следить, заботиться и восхищаться им.

А как-то утром, в Эдеме, когда воздух был особенно прозрачен и сад дышал свежестью, Арей вновь попытался говорить со светом и понял, что сказать ему уже нечего. Нет в нем ни благодарности, ни терпения, ни радости, ни любви к создавшему его. Он потерял что-то важное, какую-то тонкую настроенность. Между ними просочилось нечто чужеродное, постороннее, непонятное ему самому. Арей ощущал все это без слов. Единой мыслью ощущал, целостно. И было ему от этого душно.

Сейчас Арей летал долго. И кричал долго и безответно. Наконец, охрипнув и устав, полуживой спустился на землю. Усы и борода были покрыты панцирем льда. Такой же панцирь, состоящий из многих отдельных шариков, был и на его одежде. Арей шагал, слушая, как осыпаются с него шарики льда. Ему хотелось согреться.

Вся долина, примыкавшая к лесу, была в кострах. Сотни костров. Когда смотришь сверху – кажется, будто горит на солнце чешуя огромной рыбы. У каждого костра – стражи, а вокруг, в темном пространстве леса – множество служебных духов, ставших нежитью. Когда-то они подчинялись навишим стражам света и, как управляемые ими духи, покинули Эдем с ними вместе.

А пало их много. Треть всех стражей света и огромное число служебных духов. Кводнон стал бациллой, заразившей остальных. Все, кто мог противиться этому вирусу, устояли. Тот, кто имел в себе нечто родственное Кводнону, был мгновенно охвачен болезнью.

Арей знал, к какому костру ему нужно. Его вело безошибочное чутье. На опушке леса, вздрагивая от ветра, пылал огонь. У костра сидело с десяток стражей. Еще издали Арей узнал среди них Хоорса, Вильгельма, Барбароссу и Кводнона. К удивлению Арея, почти все они держали палки, а у Барбароссы в руках был длинный и прямой ствол ели, заканчивающийся острым сколом. Барбаросса, долговязый, тощий, страдающий оттого, что борода у него красного цвета и растет пучками, демонстрировал этот ствол Хоорсу и Вильгельму.

– А ведь им можно ткнуть! Даже бросить можно! И будет, наверное, очень больно, если попасть! – восторженно говорил он.

– Да! – соглашались Хоорс и Вильгельм, имея на лице такое же детское восхищение.

– А еще можно привязать к палке острый кусок камня! – рассуждал Барбаросса.

– Камень отвяжется! Лучше привязать кость! Ребро какое-нибудь острое! – спорил Вильгельм.

Барбаросса первым заметил Арея и замахал ему рукой:

– Арей! Иди сюда! Смотри, что у меня есть!

«Сейчас будет хвастать палкой», – подумал Арей.

На сосну в руках у Барбароссы он смотрел без всякого интереса. Он вообще не понимал этой тяги к палкам и камням, которая появилась у большинства стражей совсем недавно. Этим дубинам даже слово уже выдумали: «оружие». Но против кого его использовать? Друг против друга? Против зверей и птиц? Но ведь и звери и птицы совсем недавно были друзьями и до сих пор помнят это. Если захочешь, можно подойти к любому льву, велеть ему открыть пасть и ощупать его клыки. И лев будет как кот тереться о твои ноги.

Арей вспомнил, как в мир впервые пришел страх. Кводнон нашел жука. Жук был черный, огромный, с длинными усами. Он сидел на ладони у Кводнона и ощупывал ее усами, видимо пытаясь осознать, где находится, и не отыскивая в своем разуме объяснений. Кводнон долго

смотрел на него, потом вытащил из костра короткую, заканчивающуюся угольком палочку и коснулся одного из жучиных усов. Ус мгновенно свернулся, образовав у основания плотный комок сгоревшей плоти. Жук подпрыгнул и заметался по ладони, то и дело касаясь сгоревшего усика лапкой.

– Ему больно! – закрывая рукой глаза, воскликнул Вильгельм.

– На самом деле мы понятия не имеем, что испытывает жук. Не исключено, что наслаждение! – заметил Кводнон и потянулся палочкой ко второму усу. Все стражи стояли рядом и, вцепившись друг в друга, смотрели, как Кводнон касается второго усика. Потом Вильгельм зарыдал и убежал.

– Неправда! Ты знал, что ему больно! – крикнул он издали.

– Допустим, я догадывался! – признал Кводнон. – Но я хотел проверить свои ощущения. Будет ли мне так же приятно причинять кому-то боль, как это было в первый раз? Нужно все испытать, все попробовать.

Теперь Барбаросса бегал вокруг Арея, показывал ему палку и делился впечатлениями, как можно ее использовать:

– Если на меня кто-то нападет, я ему ка-а-ак дам!

– А кто на тебя нападет-то? – спросил Арей, и Барбаросса озадаченно замолчал. Такой вопрос, как видно, не приходил ему в голову.

– Ну кто-нибудь... – буркнул он разочарованно. – Можно же попросить кого-нибудь напасть! Ну в шутку!

– Вильгельма! Он тут главный злодей! – сказал Арей.

Застенчивый Вильгельм зарумянился как девушка и сдул со сгиба руки ночного мотылька. Касаться его пальцами он не рискнул, чтобы не повредить пылицу.

Арей вспомнил, что и палку первым додумался взять именно Кводнон. Когда Арей спорил с ним, Кводнон вдруг мелко ощерился, схватил с земли дубину, принесенную кем-то для костра, и замахнулся двумя руками.

– Если ты еще раз скажешь мне «нет!», я вот этой вот штукой двину тебя по голове! – крикнул он в запальчивости.

Помнится, все стражи, разинув рты, с изумлением уставились на Кводнона. До этого ни у кого и в мыслях не было, что можно кому-то угрожать или, тем более, ударить. Кводнон почувствовал, что сделал что-то не то. Смущился. Отшагнул от Арея. Пугливо разжал руку. Палка выпала. Это была часть древесного корня, расширявшаяся к стволу и похожая на палицу.

Хоорс присел на корточки, разглядывая то, что выпало из руки Кводнона.

– Любопытно! А ведь этой штукой действительно можно сильно стукнуть! – заметил он. – Тут получается рычаг, а массивное окончание делает его опасным! Вот, смотрите, я сейчас ударю этим рычагом хотя бы по дереву!

Сказано – сделано. Полетела кора. Вильгельм бросился к сосне. Стал гладить ее, дышать на место со сбитой корой.

– Перестань, Хоорс! Что ты? – в ужасе воскликнул он. – Дерево же живое! Ему больно!

Хоорс смущенно бросил палицу в костер. Казалось, все благополучно забыто, но через неделю Арей обнаружил, что Барбаросса ходит с дубиной и говорит всем, что хромает. Но когда начинаешь выяснять, на какую ногу и что случилось, – злится и грубит. Еще через день палка появилась у Кводнона. Хорошая палка, в его рост, и даже, кажется, из красного дерева. А еще примерно через месяц Арей шел по лесу и услышал какой-то непонятный звук.

Он остановился. Прислушался. Звук повторился. Казалось, кто-то рычит и плачет одновременно, кусая себе руки. Арей пошел по направлению звука и в овраге обнаружил Хоорса. Хоорс сидел на корточках рядом с мертвым оленем, и спина его содрогалась от рыданий.

Рядом лежала палка с веревкой и валялся окровавленный камень. Видимо, камень был привязан, но отвязался, потому что на веревке и сейчас еще были узлы.

Другие олени подходили к оврагу и, не спускаясь в него, издали чуяли кровь. В их повадках Арей замечал нечто новое: беспокойство, недоверие, страх. Услышав шаги Арея, олени оглянулись на него и, шарахнувшись, унеслись. И это тоже было непонятно. Раньше Арея никто не боялся.

– Что случилось? – спросил Арей.

Хоорс повернул к нему голову. Руки у него были в крови. Видимо, пытался помочь умирающему животному.

– Олениха... – прохрипел он. – Олениха!

– Она поранилась? Налетела на сук? Такое бывает! – утешил его Арей.

– Она не поранилась. Я ее убил, – крикнул Хоорс.

Лицо его скривилось. Арей ожидал новых рыданий, но Хоорс внезапно расхохотался. Он хохотал и бил по земле окровавленными кулаками. И в хохоте его, помимо горя, было и что-то новое, страшное, чему Арей пока не находил определения.

– Как это – «убил»? – не поверил он.

– Так!!! Шел по лесу с этим вот и думал, как испытать мое новое оружие. Искал какое-нибудь трухлявое дерево. А тут олениха!.. Она сама подошла! Первая! Стала нюхать мне руки. Я говорю ей: «Уйди!» Она не ушла! Я ей снова: «Уйди!» Лижет руки, пристаёт, попросишь! Тогда я размахнулся, ударил – и камень на палке поразил ее точно в голову. Я не знал, что будет такая сила! Правда, не знал! Но мощь-то, мощь! – В страдающих глазах Хоорса вспыхнуло что-то новое. – Если найти камень с дырой, он не отвяжется, как этот...

Арей, не отвечая, поднялся и побрел прочь. Он уже понял, что Хоорс прекрасно переживает это горе. И не только переживает. Вскоре в лесу будут находить много мертвых оленей. И не только оленей. Ведь появится и новое оружие, которое тоже нужно будет на ком-нибудь испытывать. Животные, и детеныши животных, и детеныши их детенышей начнут бояться стражей и убегать от них. Львы, тигры, медведи, волки перестанут доверчиво тереться о ноги, а возможно, и задумаются однажды, что их длинные клыки и когти – оружие ничуть не хуже, чем камни и палки.

Сейчас Арей подошел к костру. Сел на корточки. Протянул к огню ладони. Льдинки оттаивали, превращаясь в капли воды. Усы с бородой заплакали прозрачными слезами.

– Летал? – понимающе спросил Вильгельм. – Я тоже летаю. Но высоко не рискую, а то упал недавно. Крылья уже плоховато держат.

– Ничего, – утешил Арей. – Главное: летаешь!

Он смотрел на лицо Вильгельма, озаренное костром, и вспоминал.

Одним из сильных доводов Кводнона, когда он настраивал всех против Эдема, было то, что многим казалось, что в Эдеме блага распределены неравномерно. Почему есть красивые и некрасивые? Сильные и слабые? Умные и глупые? Особенно это потрясало худенького жертвенного Вильгельма, который всегда и во всем искал справедливости.

Вильгельм вечно отыскивал где-нибудь в зарослях робкого стражника с короткими крыльями и начинал кричать, что его обделили. «Куда смотрит Дом Светлейших? И там, на последних небесах, куда смотрят? За что вот ему – как там тебя зовут? да тебя, тебя! – короткие крыльишки? Может, он недостоин длинных крыльев? А если недостоин, то кто сделал его недостойным? Да стой ты ровно, тебе говорят!»

Робкий страж пытался забиться куда-нибудь в угол, но Вильгельм, не отпуская, таскал его за собой за ворот, шумел, и мало-помалу многим начало казаться, что добро не так уж добро и справедливо.

«А все-таки, – подумал Арей. – Вильгельм был искренен. Правда: почему короткие крылья? Ну да... если бы он летал, а не отсиживался в кустах – крылья бы у него окрепли... но ведь можно было дать ему и желание летать?»

Кводнон, до того отвлеченный разговором с кем-то, увидел Арея. Безобразная половина его лица заметно сморщилась. Красивая осталась такой же безмятежной. Кводнон шагнул к Арею. В руках у него была палка из красного дерева.

– Зачем, Арей? Зачем? – крикнул Кводнон. – Почему ты напал на Лигула? Едва не утопил его! Твои товарищи изумлены! Твои товарищи поражены!

Арей удивился, что Лигул так скоро сюда добрался. Ишь ты, шустрый!

– Он мне надоел, – сказал Арей.

– Лигул тебе надоел? Как ты можешь? Он же твой друг!

Арей терпеть не мог этой интонации добровольных собраний, этих негодующих глазок и протянутых к нему укоризненных ручек.

– Лигул не мой друг, – проворчал он.

– Как не твой? Мы же все вместе! Мы так решили!

– Это ты так решил, – буркнул Арей, испытывая неожиданное раздражение. – Так тебе удобнее манипулировать. Вот ты и скажи: «Я!» А то... «Мы изумлены... Мы поражены!»

– Что? Да как ты...

Голос оборвался. Кводнон отступил чуть назад. Все же Арей ничего не заподозрил, пока на него не упала тень. Он вскинул голову, но было уже поздно. Палка из красного дерева обрушивалась на него сверху, через рыжие искры костра. И там же, через костер, видел Арей и черное, неизвестное лицо Кводнона. Арей попытался отпрыгнуть. Поздно. Первый удар пришелся ему в плечо. Бросил его на землю. И сразу отнялась рука. Онемела до кончиков пальцев.

Второй удар проломил бы Арею голову, но его не было. Кводнон выронил палку. С ужасом смотрел то на нее, но на свои руки:

– Прости! Я не знаю, зачем я это сделал!.. Я не хотел!

Арей вскочил и побежал, придерживая за запястье болтавшуюся руку. Отскочив шагов на десять, он вспомнил о крыльях и взлетел. Вслед ему пронеслась палка, задевшая его по ноге, и несколько камней.

– Большие не возвращайся! – догнал его голос Кводнона. – Убирайся к своим светлым! Только они тебя не возьмут! Не нужен ты им!

...Арей поселился на глинистом склоне холма, спускавшегося к реке. Река была медлительна, широка, ленива. На закате и на рассвете реку ало заливало солнцем, и она становилась похожа на чешую огромной рыбы.

Рука не работала дня два, потом понемногу начала служить. Арей выкопал себе пещеру. Склон поддавался легко, только все время осыпался, пока Арей не додумался выложить потолок еловыми ветвями, подперев их бревном. Костер он не разжигал. В первую ночь очень мерз. Во вторую, когда плечо еще сильно болело и Арея бил озноб, откуда-то пришла большая рысь и согревала его. На третий день вечером, пролетая над рекой, Арей встретил юного Вильгельма. Вильгельм издали крикнул ему, чтобы Арей возвращался. Кводнон больше не сердится. Он вроде бы даже поссорился с Лигулом, и тот теперь непрерывно скулит, вымаливая прощение.

Подлетев к нему, Арей спросил, из-за чего вышла ссора. Вильгельм объяснил, что из-за расщелины в земле, из которой вырывается раскаленный пар с каплями пахнувшей серой воды. Кводнон предположил, что расщелина идет к центру земли и что можно спуститься, найти пустоты, пещеры или, быть может, что-то еще более впечатляющее.

– Там будет наш мир! – воскликнул Кводнон. – Лучшие, совершеннее Эдема! Существующий по иным, рациональным законам!.. Как мы его назовем? Ну не знаю. Пусть будет Тартар!

Стражи заинтересованно слушали. Распалаясь все больше и больше, Кводнон стал искать того, кто смог бы протиснуться в щель. Самым щуплым, несмотря на горб, оказался

Лигул. Вот только лезть в щель, плюющуюся кипящим паром, герой отказался наотрез. Вцеплялся в корни деревьев, вопил, кусался, и закончилось все тем, что в щель он так и не полез и Кводнон избил его.

– Так ты вернешься? – крикнул Вильгельм Арею.

Арей покачал головой и, набрав высоту, описал над рекой полукруг, чтобы Вильгельм не выследил, где он прячется и случайно не проболтался Кводнону. В тот же вечер, бродя по лесу, Арей случайно засмотрелся на высохшую молодую сосенку. Выдернул ее из земли, очистил от лишних ветвей. Сосна была длинной, прочной, очень ровной. Именно палка, а не палица. Никаких утолщений. Идеальный прямой шест.

Очистив ствол от коры, Арей провел по нему ладонью, запоминая мельчайшие неровности. Да, утолщение, конечно, усиливает удар, но зато сколько минусов. Палку с утолщением нельзя вертеть. Нельзя использовать другой ее конец. Нельзя наносить тычковые удары. Неудобно отражать чужие удары. Да и вообще – зачем их отражать? Зачем вытеснять силу встречной силой?

Можно подставить свою палку так, что чужая палка только скользнет по ней. Палица пронесется, утолщение помешает ей быстро вернуться, а в это мгновение можно нанести свой удар по незащищенному противнику.

Арей почувствовал заинтересованность. Подобный жадный, постоянно возрастающий интерес он испытал когда-то к полету, когда, разглядывая крылья, впервые задумался, что, если чуть изменить угол наклона перьев, совсем не приметно, крылья станут более управляемыми и подойдут для пилотажа. Но это крылья! А тут какая-то палка! Неужели можно всерьез размышлять, как, используя палку или что-то еще, нанести противнику наибольший урон? А если противник не один? Если их двое, трое, пятеро? Задача бесконечно усложняется, но появляются и новые варианты решения.

Когда-нибудь крыльев у него не будет, а палка останется. Не одна, так другая. Палок в мире бесчисленное множество, и, возможно, они могут быть не только деревянными.

Арей перехватил шест за середину и, медленно вращая, стал воплощать то, что складывалось у него в голове. Движения шеста ускорились. Худые руки дрожали от напряжения. Ничего! Когда-нибудь, руки, вы окрепнете, и ты, Кводнон, больше не сунешься ко мне со своей дубиной из красного дерева! Я научу тебя бояться!

Шест свистел, рассекая воздух. Арей жадно наблюдал за ним. Ага, ясно! Самые опасные части шеста – его концы. Последняя четверть или, может, треть. А вот первые две трети лучше подойдут для отражения чужого удара. Спору нет, оружие Хоорса, которым он убил оленюху, опасно. Но если камень пронесется мимо цели, второй удар быстро не нанесешь. Шестом же можно достать и издали, только надо получить изучить тело. Его уязвимые зоны. Что это может быть? Глаза? Шея?

Так начала зарождаться математика смерти.

День проходил за днем. Месяц за месяцем. Арей все тренировался, потеряв счет времени.

Шест свистел, подгоняя себя своей тяжестью. Гнул молодые деревья, сбивал ветви, оставлял выбоины на коре. Арей радовался его силе, но где-то внутри зарождалось уже и недовольство. Нет, он не остановится на шесте! Да, шест удобен, хорош, но... его мало. Оружие должно быть мобильнее, удобнее, легче. Оно должно не ломать деревья, а срубить их. Жалить, разить, крушить, но подходить и для тонкого, осторожного, скальпельного движения. Быть и молотом, и палицей, и шестом, и копьем – всем сразу и одновременно.

Что же это может быть?

Глава вторая

Доктора вызывали?

Зимой мозги смерзаются, летом кипят, весной все мельтешит от гормонов, осенью мозги полны ужасом зимы. Когда же думать?
Из дневника Ирки

Серая дорога. Много грязных машин. Дождь со снегом. Конец ноября в Москве – противное время. Утешать себя можно только тем, что в декабре будет противнее, чем в ноябре, а в январе противнее, чем в декабре. А там уже потихоньку можно ждать весны, и это, опять же, некоторое утешение.

Ирка сидела в машине, грызла ногти и злилась. Ехать надо было далеко – с юга-запада на север, и, разумеется, Матвей пропустил нужную развязку, заехал в центр, и, конечно, они угодили в пробку. Автобус пытел и дворником размазывал грязь по стеклу.

Пробка была страшная, безвыходная. Автомобили пробирались и по тротуарам, и по дворам, и по газонам, и на камеры давно наплевали. Самые мудрые постепенно вылезали из машин, раскладывали на капоте колбаску с помидорчиками и виновато разводили руками, показывая соседним водителям расстояние в пять сантиметров, на которые продвинулся поток. Успокойся! Подожди! Куда спешить? Кому бибикать? Все уже давно приехали!

Посреди всей этой пробки вертелся худенький подросток на скутере. Умело так вертелся, по-хозяйски, ужом протискиваясь в узкие щели между машинами. На шее у него болталась картонка с крупными буквами:

«ОБВИДУ ВАКРУГ ПРОПКИ 30 АДИН ЭЙДОС!»

Только в слове «эйдос» и не было ошибки. Ирка с Багровым уже троих заприметили, кто, опустив стекло, подозвал к себе этого юркого подростка. И пахло от него духами и туалетным мылом, а лицо, если смотреть вблизи, казалось простроченным.

– Давай его грохнем! Сил моих нет на это смотреть!

Ирка стала вылезать из автобуса, но их приперли так, что и дверей было не открыть. Ловкий подросток, учуяв опасность, оглянулся, мгновенно все просчитал и, дразняще высунув язык, вместе со скутером неуловимо переместился машин на тридцать вперед.

Видно было, как он шныряет между автомобилями, показывая каждому водителю через стекло свою картонку.

– Гады эти суккубы! Совсем обнаглели, – сказала Ирка.

Голос ее звучал вяло. Она очень устала.

– Угу, – невнимательно отозвался Багров, постукивая пальцами по рулю. – Угу. Обнаглели. Да. Есть такой момент!

– Чего угукаешь? Третья поездка за день! Сегодня мы проторчали в машине восемь часов. И проторчим еще три. Мы даже бессмертного щенка отдали знакомым, потому что нас никогда не бывает дома! А он скучает и скулит! – пожаловалась она.

– Так давай телепортируем! – предложил Матвей.

Ирка молча повернулась к нему и постучала по ящику. Это был небольшой деревянный ящик зеленого цвета. Такие ящики уважают водопроводчики. Обычно при откидывании крышки они раскладываются, и под рукой оказываются разводные ключи, лобзики по металлу и холодная сварка. И этот ящик раскладывался тоже. Вот только вместо водопроводных прокладок и пластиковых заглушек внутри теснились пыльные стеклянные банки с подписанными ярлычками: «Драконья желчь», «Мертвая вода 30 %», «Ногти гномов», «Волосы троллей», «Спиленные зубы бермудской ведьмы», «Разрыв-трава (летний сбор)», «Лунный свет фариш-

рованный», «Уши конька-горбунка», «Листья заживляющего дерева (разжеванные)», «Тартарианский корень».

– Да знаю я, все знаю! – сказал Багров. – Если мы телепортируем с этим ящиком, рванет так, что мама не горюй. Воронка будет с трехэтажный дом. Нам так сказали. А без ящика мы никому не нужны. Так?

Ирка сердито укусила себя за мизинец. Она ненавидела у Багрова эту привычку срывать со всякого хорошего дела его возвышенность и приводить все к циничному знаменателю. Например, визит к Бабане он называл «полить цветочки» или «продернуть родственников».

– Нам не говорили, что без ящика мы никому не нужны! Нам сказали только, что при телепортации ящик рванет, – напомнила она.

– Пусть так! Но разве эта работа для Девы Надежды? Для элиты, можно сказать, света? – продолжал бухтеть Багров. – Ездим по Москве и помогаем не пойми кому! Кто мы сейчас? «Скорая помощь» для нежити! Никакой зарплаты и бензин за свой счет! Где вселенский размах? Я ожидал, по меньшей мере, что нас пошлют диверсантами в Тартар!

– Матвей! – сказала Ирка трагически. – Я перестаю тебя понимать, Матвей! Мы с тобой сидим в одном танке, но едем в разные стороны!

– То есть в Тартар диверсантом ты не хочешь? – уточнил Матвей.

– НЕТ!!! Постучи по дереву, а то и правда отправят!

Багров послушно постучал по ящику. В недрах ящика зашипела бессмертная гадюка, от укуса которой когда-то умер вещий Олег. Стражи света посадили гадюку в этот ящик, и она застряла где-то между четвертым и пятым измерениями. Видеть ее было нельзя, но временами доносилось шипение. Ирка жалела гадюку и изредка подкармливала ее шпорцевыми лягушками.

Остановившись на светофоре, Матвей от скуки порылся в ящике и достал бутылочку, подписанную «*Циклопы блохи*». Крупные блохи ползали по стеклам, особенно густо собираясь у пробки.

– Не вздумай выпускать! Они высасывают три литра крови в минуту! Их даже в шутку нельзя сажать на кожу! – предупредила Ирка.

– Что, серьезно? – Багров вытянул пробку зубами и, отловив двумя пальцами крупную блоху, усадил ее себе на шею рядом с артерией. Блоха немедленно начала разбухать, но вдруг дернулась и с шипением растворилась, испустив вонючую струю пара.

– H_2SO_4 . Серная кислота, – сказал Матвей.

Ирка хмыкнула.

– Хорошо, что у тебя кровь не брали на резус-фактор! Представляю, что написали бы в карточке, – заметила она.

– Ничего не написали бы. Я умею маскироваться. Написали бы «первая положительная. Проба взята у трупа» или что-нибудь в этом роде.

Наконец пробка понемногу тронулась. Вдоль рядов машин шла беременная с очень большим животом, пританцовывала и делала руками медлительные движения, будто сушила лебединые крылья. Потом женщина остановилась, и пробка остановилась. Женщина подошла к машине, что-то крикнула через стекло сидящему за рулем мужу, достала из багажника минеральную воду и стала пить. Вся пробка ждала, пока она допьет. Потом машины опять чинно и медленно двинулись, как раскормленные гуси. Все равно впереди был затор. Больше поторопиться – дольше постоишь.

– Я тоже так хочу! – сказал Багров.

– Чего хочешь? – подозрительно спросила Ирка.

– Ну чтобы ты пила минеральную воду. В минеральной воде много бульков, и в каждом бульке сидит витамин.

– И больше ничего не хочешь? – спросила Ирка.

– А чего еще? – наивно спросил Багров.

Микроавтобус тронулся, переполз перекресток, и дело пошло чуть бодрее. Пробка постепенно рассасывалась. Беременная женщина не могла больше идти со скоростью потока и села в машину.

Откинувшись на спинку, Ирка сонно глядела на светофоры. Зеленые и красные, они непрерывно мигали, чередовались. Их сияние размывалось во влажном сумраке. В их повторяющемся до одурения мигании таилась загадка. Добрую часть детства Ирка проездила по врачам на машине Бабани. И тогда уже, помнится, секрет светофоров занимал ее. Она безнадежно пыталась понять, почему машины не едут на красный, ведь люди же на красный стоят! Ей казалось, красный – для машин, зеленый – для пешеходов. Все очень просто и логично. О том, что существуют два красных и два зеленых, она тогда не задумывалась.

«Почему я злюсь? Потому что спешу и не успеваю. А зачем я спешу? Куда? Буду просто жить. Разве мне сейчас плохо? Я с человеком, которого люблю. Я служу свету. Разве это так важно, сколько дел мы сегодня переделаем?» – подумала Ирка, и эта простая мысль принесла ей успокоение. Ей стало хорошо. Легко.

– Приехали! – сказал Багров, взглянув на навигатор.

Матвей припарковался и вылез из машины. Ирка увидела длинный дом, пятиэтажный в левой части и четырехэтажный в правой. Кажется, один дом когда-то просто пристроили к другому, а место скрепления домов замаскировали желтенькой арочкой.

– Какое у нас задание? – спросил Матвей.

– Не помню. Сейчас посмотрю.

Ирка открыла тетрадь. Самую обычную. В клетку. Сорок восемь страниц. На обложке – кошечки. На последней странице – ссылка на полиграфкомбинат города Ульяновска. Никак не скажешь, что тетрадь не горит в огне и не тонет в воде. Матвей, любивший все проверять на практике, недавно потратил вечер, пытаясь уничтожить ее всеми известными ему способами. Из сталелитейной печи тетрадь вышла целой. С Ниагарского водопада обрушилась, но осталась сухой. Даже драконье пламя опалило лишь уголок обложки.

– Старый домовый. Живет в бывшем каретном сарае. Сарай завтра идет под снос, а он не хочет переезжать, – сказала Ирка, подув на страницу и прочитав появившуюся запись.

– Так пусть остается! – разрешил Багров.

– Так нельзя. При сносе здания домовый гибнет. Мы должны уговорить его переселиться в офисный центр на «Красносельской».

Матвей понимающе кивнул и нырнул в арку. Каретный сарай напоминал башенку с ржавым штырем от флюгера. Последние сто лет в нем был гараж. Матвей осторожно шагнул внутрь. Ворота уже кто-то снял. Повсюду валялись железки, тряпки. Стоял холодильник без двери.

– Ну и где этот домовый? – поинтересовался Матвей.

Ирка снова заглянула в тетрадь:

– Мы должны громко сказать: «Здравствуйте, Арчибальд! Мы от Глокой Куздры! Передаем вам привет от вашего давления!» Причем сказать мужским голосом. То есть тебе придется.

– Ни за что! Он решит, что у меня не все дома! – возмутился Матвей.

– Напротив, он поймет, что ты тот, кто ему нужен. Это такой пароль.

– Тупой пароль!

– Отдел паролей света не любит скучать. Там сидят совсем молодые стражи с хорошим гуманитарным образованием и страдают от необходимости заниматься фигней. Ну говори!..

Матвей открыл рот.

– Тшш! – вдруг сказала Ирка. – Видишь этот значок?

Багров посмотрел, куда она показывает:

– Огонек и глазки, что ли?

– Да. Это предупреждение, что он очень вспыльчивый!

– Я тоже вспыльчивый! – Матвей набрал побольше воздуха в грудь и гаркнул: – Здравствуйте, Арчибальд! Мы от Глокой Куздры. Передаем вам привет от вашего давления!

Едва он закончил, как ржавый холодильник завертелся, взвился под самую крышу, снес одну из балок и вместе с кучей трухи обрушился туда, где только что стоял Матвей. У молодого некромага хватило реакции перекатиться через голову и вскочить уже у стены.

– Отстаньте! Все от меня отстаньте! Никуда я отсюда не поеду! – завопил кто-то.

Посреди каретного сарая возник крошечный лохматый старичок с красным носиком, похожий на слегка спившегося Эйнштейна. Старичок подпрыгивал, топал ногами, и все предметы вокруг него, срываясь со своих мест, летели в Матвея и Ирку. Те, перебежав, укрылись за холодильником, который, один раз упав, лежал уже смирно, лишь дрожал мелкой дрожью.

– Но у нас поручение! – сказала Ирка, подождав, пока ярость домового Арчибальда начнет утихать.

– Ага! Поручение! То есть вам самим на меня наплевать? Жил здесь и умру здесь!

– Почему?

– Храню я, а они не понимают! – крикнул старичок.

– Что хранишь?

Домовой, побагровев, опять затопал ногами, и в Ирку с Багровым градом полетели гвозди из обшивавшей стены вагонки. Один из гвоздей едва не оставил Ирку без глаза. Багров вовремя прикрыл ее доской и за локоть вытащил из бывшего каретного сарая. Доска вся была утыкана гвоздями.

– Пусть остается! Мы сделали все, что могли! – сказал он.

– Мы не выполнили задание! – возразила Ирка.

– Знаешь, ты мне как-то подороже задания! – возразил Багров и заорал: – Эй ты, Глокая Куздра! Скажи своему Фортунатову или кому там, что мы ушли! Нету нас в твоём сарае! Все, утопали мы!

Каретный сарай перестал сотрясаться. Убедившись, что они и правда ушли, старичок притих. Ирка с Багровым растерянно стояли рядом с аркой и совещались, что им делать.

– Сил моих больше нет! То джинна в кондиционер затянуло, то африканский божок в сувенирном барабане спьяну уснул... А тут еще выживший из ума старикан-домовой, торчащий в развалинах! Хранит он тут, видите ли, старый холодильник!

Едва Багров это произнес, как из сарая донесся вопль и в сторону Матвея, со свистом рассекая воздух, вылетела крышка канализационного люка. Описала в воздухе дугу, врезалась в кирпичную стену дома на уровне второго этажа и засела в ней, застряв до половины.

– Думай прежде чем говорить! Домовые же обижаются! – шепотом предупредила Ирка.

– А плевать мне с большой чихальни, кто там на кого обиделся!.. Зато полочка получилась! Ни у кого такой нет! Можно с той стороны книжки ставить! – сказал Багров.

Ирка предостерегающе толкнула его локтем. Возле них стояла маленькая девочка и, засунув в рот палец, смотрела то на Ирку, то на сарай. Видимо, она стала свидетельницей полета.

– Привет! Испугалась? – спросила ее Ирка, подмигивая.

Девочка, только что смирно стоявшая, сорвалась с места и убежала, издавая вопиющие звуки.

– Чего это она? – озадачилась Ирка, привыкшая, что дети ей доверяют.

– Московским детям нельзя говорить «привет» и уж тем более нельзя подмигивать. Им с младенчества внушают, что, если незнакомец поздоровался, то он обязательно маньяк, – заметил Багров.

– Все равно не понимаю!

– Да чего тут понимать? Вон у тебя кровь на скуле. Ты выглядишь чуток зловеще!

Ирке все стало ясно. Она схватилась за лицо, стала спешно вытирать, но Багров отвел ее руку, притянул ее лицо к себе и, слизнув кровь, прижег рану ногтем.

– Только не надо называть меня вампиром. Слишком предсказуемый ход мысли. Не люблю! – сказал он.

– Ты уверен, что не будет заражения? Гвоздь-то небось был ржавый, – спросила Ирка.

– Стерильно! До свадьбы заживет, тем более что дату все равно буду назначать я! – утешил ее Матвей.

Ирка посмотрела на него счастливыми глазами.

– И не надейся! Я откажусь! – сказала она.

– Бесполезно. Я тебя перехитрю. Мужчине очень просто обмануть девушку, пользуясь несовершенством ее мышления. Если бы я собрался сделать предложение девушке, в чем согласишься я не уверен, я провернул бы дело так. Подошел и спросил громко и четко: «Выйдешь за меня замуж? Тебе нужны папка-файл, две фотографии три на четыре, заявление в свободной форме и бланк на замену фамилии». Девушка отвлеклась бы на мелочи, стала бы говорить: «Ой, а у меня нет папки-файла!» Или: «А фотография черно-белая нужна или цветная?» А главный вопрос бы пропустила, и это было бы как бы автоматическое согласие.

– А если я не отвлекусь? – спросила Ирка.

– Девушки всегда на мелочи очень отвлекаются. Не на одну, так на другую. Так отвлекаются, что о прочем можно не беспокоиться, – заверил ее Матвей.

Они сели в автобус и оттуда уже Ирка связалась с Антигоном через старый зудильник, валявшийся у них в бардачке. Антигон скучал у плиты, готовя валькирии-одиночке картофельный супчик с акридами – толченой сухой саранчой, которую он добавлял в надежде на взбучку. Но, увы, Даша, увлеченная в жизни всем, кроме быта, обычно ела, не глядя в тарелку, и изредка даже зачерпывала ложкой пустое пространство рядом с ней. Сама Даша никогда не готовила, перебиваясь тем, что первым сваливалось на нее с полки в супермаркете. Единственным же блюдом, которое Даша освоила во всех тонкостях, была знаменитая КВМВГ – картошка в мундире, варенная грязной.

Этим она была очень похожа на Ирку. По каким-то таинственным причинам хозяйственные валькирии-одиночки призывались к служению редко. Зато валькирии золотого копья или валькирии воскрешающего оказывались хозяйственными всегда, равно как и валькирии медного копья – деловыми, валькирии сонного – упитанными, а валькирии лунного – кокетками. Видимо, каждая, от чего-то оттолкнувшись, должна была пройти свой путь, что-то пережить, от чего-то отказаться и куда-то добрести.

Путь Даши был трудным. Едва ли легче, чем путь колясочницы Ирки. Смешная, сутулая, длиннорукая, имевшая дикие проблемы с кожей, которые мешали ей даже футболку со швом надеть, Даша долгие годы была общешкольным изгоем. Милые ее одноклассники вели себя как куры, которые, как известно, заклеивают калек. Если кому-то надо было мимо нее пройти – он, чтобы не прикасаться, отталкивал Дашу шваброй или ботинком, после чего непременно вытирал его обо что-то, пока все остальные громко орал ему «сифак!». За одной партой с Дашей соглашался сидеть только очень толстый мальчик, который был таким же изгоем, как и она, потому что в животе у него вечно что-то бурлило и стреляло, а штаны сзади при попытке наклониться взрывались по шву со звуком пистолетного выстрела.

Но и в такой ситуации Даша хитрила не озлобиться. Она вообще, кажется, не подозревала, что что-то идет не так. Ее спасала рассеянность и то, что она существовала в каком-то параллельном мире, который вынужденно соприкасался с этим миром лишь в строго необходимых пунктах.

И еще ее спасала верховая езда. Лошади, даже незнакомые, ходили за ней как собачки, порой забывая, что на спине у них собственный наездник, часто имеющий свои какие-то отдельные планы перемещений. То, что другая два месяца не могла объяснить с помощью хлы-

ста, Даша объясняла лошади одной фразой: «Ариадна, ты меня огорчаешь!» И Ариадна переставала хватать всадников зубами за колено или ложиться в самую грязь.

А теперь у Даши появился Антигон, и Ирка была за нее спокойна.

Ирка кратко обрисовала Антигону проблему. Тот кивал, и с ним вместе кивал его огромный бугристый нос. Со стороны казалось, что это нос кивает Антигоном.

– Старикан дерется? – подытожил Антигон, когда Ирка закончила.

– Да.

– И больно?

– Болеее некуда. Холодильниками швыряется.

Антигон на экране зудильника перестал размешивать картофельный супчик.

– О, это уже интересно! Что же вы мне сразу не сказали?

– Антигон!!! – укоризненно воскликнула Ирка.

– Что «Антигон»? Я скоро буду! Ждите меня!

Кикимор выключил плиту и, достав из-под плиты булаву, смахнул с нее паутину. Застрявшего же в паутине паучка, недолго думая, бросил в суп.

– Новой хозяйке надо отъедаться! А то смотреть не на что: одни кости и любовь к лошадям! – заявил он.

Ирка мысленно содрогнулась, представив, сколько паучков и тараканчиков съела она сама, пока это вот милое существо числилось ее пажом.

– Давай скорее! У нас следующий вызов! – Ирка опасливо подула на тетрадь, обложка которой нагрелась докрасна, что означало крайнюю степень срочности.

– Один момент! – пообещал Антигон и, показывая, что разговор окончен, плеснул в зудильник супчик на предмет его остывания. Запах как-то передался, и в машине Ирки и Багрова сильно запахло супом. Оба невольно вспомнили, что сегодня весь день не ели.

– Варвар! Так обращаться с магическими предметами! – сказала Ирка.

– А я все слышал, между прочим! – заявил Антигон, возникая между Иркой и Матвеем. Параллельно он ухитрялся облизывать булавку, которую уронил в суп. – Ну, как там зовут вашего домового?

– А это так важно? – спросил Матвей.

– Еще как важно!

– Арчибальд!

– Пуф! – схватился за голову Антигон. – Все понятно! Хотите узнать характер домового – спросите у него его имя! Обилуха, Одяка, Оглендя, Орля, Остроух – эти все будут добряки. Даята, Давило, Дедилец, Дитята, Добриша – тоже ничего, но маленько с ленцой. Их обычно над всякими сенными сараями ставят, а над скотным двором ни-ни! Задора, Зеления, Зернко, Зимород, Зух, Зюзя – это хозяйственные домовые. В печи живут, с кашки первую пробу снимают. Колобуд, Кушпет, Кудения, Курило, Кривослав, Крикун, Крепшун, Круглец, и на «Л» которые: Лихач, Лихолат, Лиховид, Лют, Лютко, Лютобор, Лютобран – это домовые с крепкими кулаками. Им дома не сидится. Только бы гномов каких-нибудь погонять или лешакам зубья пересчитать.

– А на «А» если имя? – спросил Багров.

Антигон мрачно посмотрел на него и шмыгнул носом:

– Если на «А», тут уж держись!.. Арчибальд, Аризон, Антрисаний, Афродитий – это все будут полные психи! Ну то есть вообще на все извилины хромающие!.. У нас же имя не сразу дают, а когда характер определится!

– А имя «Антигон» на какую букву? – задумчиво спросил Багров.

Антигон побагровел. Буквально накалился. В микроавтобусе сразу стало жарко.

– Я не чистый домовый! Я, клянусь ластами моей бабушки, еще и кикимор! А кикиморы на «А» – это сборище всех совершенств! – заорал он.

– Ладно, сборище всех совершенств! Поехали мы! – сказала Ирка виновато. – У нас тут тетрадь от нового вызова с ума сходит!

Антигон выскочил из автобуса, лихо хлопнул дверью и, заправив булавку в трусы, отправился в каретный сарай разбираться с другим сборищем всех совершенств.

Багров ввел в навигатор новый адрес. По счастью, это оказалось в той же части Москвы, но ближе к «Войковской», там, где трамвай выписывает невероятные петли, всякими хитростями пробираясь на ту сторону Ленинградки.

– Домовой домового всегда уговорит, – сказал Багров.

– Тебе ж сказали! Антигон не чистый домовый! Он ходячий интернационализм. Если хорошо покопаться, в нем можно обнаружить даже кровь гномов... Давай гони! Там русалка где-то пересыхает! Опасность для жизни!

Вскоре они добрались до «Войковской». Багров вылез из автобуса, с недоумением разглядывая забор из бетонных секций. За забором помещалось одинокое здание промышленного вида, непрерывно содрогавшееся и живущее какой-то утробной жизнью.

«**Мосводоканал. Станция № 31**», – прочитал Матвей на вывеске и, пожав плечами, перемахнул через забор. Ирка поспешила на ним.

– Хорошенькое место нашла себе русалка, чтобы пересохнуть! – сказал Матвей, брезгливо выдирая ботинки из грязи. – И где охрана? Где автоматчики и прочие вневедомственные стражники? Почему у меня никто не требует пропуск?

Где-то близко забренчала цепь. Из будки высунулась утомленная жизнью дворняга и закашляла на них старческим лаем.

– Бедная! – Ирка опустила рядом с ней на корточки. – Смотри, Матвей, какая на ней цепь! Такой можно титанов приковывать! Ты же меня не укусишь, нет?

Собака перестала кашлять. Лай перешел в глухое рычание, которое вырывалось небольшими порциями, точно пар из дачного чайника.

– Нет, ты, пожалуйста, сформулируй, что ты хочешь выразить своим лаем? Идея твоего лая какая? Вот, например, такой вой означает глубокую тоску и одиночество. Это вой молодой волчицы, которая ищет своего волка.

И, вскинув голову, Ирка завывала как волчица. Собака перестала рычать и трусливо перевернулась на спину, задрала лапы. Видимо, она своего волка уже давно не искала и предпочитала вовремя сдать в плен.

Пока Ирка находила общий язык с собакой, Матвей обошел строение сбоку и, обнаружив запертую дверь запасного входа, вскрыл ее. Когда Ирка подошла, Багров как раз доедал большой замок, который превратил в шоколад.

– Хочешь? – предложил он Ирке.

– Давай! – согласилась она и послушно доела государственную собственность.

Жуя шоколад, она обнаружила на стене табличку:

«ТЕРРИТОРИЯ ОХРАНЯЕТСЯ ЗЛОЙ СОБАКОЙ.

**За укусы и раны, нанесенные находящейся при исполнении
собакой, администрация ответственности не несет».**

– Сурово! Кто-то тут не лишен творческой жилки! – одобрила Ирка. – Интересно, это про какую собаку речь? Или, может, та собака была отвлекающая, а сейчас на нас с крыши спрыгнет десантный пес с обработанными цианидом зубами?

Она достала из ящика, который Багров успел уже перетащить из машины, зеленку и ватной палочкой написала на животе собаки в том месте, где не было шерсти, «**Злой собаккер**».

Усмиренная собака послушно лежала, подставляя Ирке живот, и изредка вздрагивала задними лапами.

Внутри здания шум был гораздо сильнее, чем снаружи. Что-то дрожало, грохотало, тряслось. Ветвились толстые трубы с запорными кранами. Скрытые внутри моторы поднимали и обрушивали воду. Железная лесенка спускалась вниз. Там они обнаружили еще одну дверь, а за дверью – бассейн технического назначения. Влага здесь была повсюду. На кафельных стенах, потолке и просто в воздухе. Более сырого места Багров не встречал в жизни. Ему казалось, что при каждом вдохе он втягивает в себя литр воды.

Пахло рыбой и плесенью. На краю бассейна сидела русалка и расчесывала зеленые волосы.

– Простите! Не подскажите, кто тут умирает от осушения? – спросила у нее Ирка.

Русалка перестала расчесываться и цепко посмотрела на Ирку.

– «Здрасьте», между прочим, надо говорить! – заявила она, и Ирка по одной уже этой фразе почувствовала, что эта русалка та еще штучка. Женщин терпеть не может, с мужчинами сюсюкает, а при случае и до смерти может зацекотать.

Ирка послушно поздоровалась.

– Вы кто вообще такие? Новенькие?

– Д-да.

– Вот я говорю, что новенькие! А где джинн? Всегда же джинна присылали! – сказала русалка недовольно.

– Кто-то напал на него и рассеял его сущность! Ящик со снадобьями пропал! – объяснила Ирка.

Именно по этой причине первое время она таскала на все вызовы рунку, а Матвей – палаш. Постепенно, правда, они обленились и стали оставлять оружие в машине.

Русалка кратковременно загрустила, после чего высказалась, что все там будем.

– Так где пострадавшая? Кому помощь оказывать? – спросила Ирка.

– Пусть он спросит! Такой хороший мальчик и молчит. Тети стесняется? Тети не надо стесняться, тетя тебя не съест! – Русалка улыбнулась Матвею.

Зубы у нее были белейшие, но опасной формы. Такими зубами голову у килограммового карпа можно отхватить как нечего делать.

– «Он», спроси! – разрешила Ирка.

– Кто осушается? – повторил Багров.

– Я осушаюсь! Разве не видно? – огрызнулась русалка. – Вы принесли чернила спрута?

Матвей с Иркой переглянулись. Спору нет, чернилами спрута русалок лечат от осушения. Но одновременно они действуют и как сильный алкоголь.

– То есть это был ложный вызов? Мы просто так сюда как сумасшедшие гнали? – уточнила Ирка. Русалка лениво плеснула хвостом, окатив ее с ног до головы.

– Остынь, детка! Я тебя не слушаю. Пусть *он* спросит! – потребовала русалка и опять улыбнулась Матвею.

– «Он», спроси! – согласилась Ирка.

Багров повторил вопрос.

– Не связывайтесь со мной! У меня справка есть, что я истеричка! Я ее в бутылке храню, чтобы не промокла. Лучше гоните чернила добром! – предупредила русалка.

Железная дверь сама собой захлопнулась. Посыпались искры. Запахло электросваркой. Лампы на потолке закачались.

– Я сейчас рассержусь! – мирно предупредил Багров.

Ирка успокаивающе коснулась его плеча.

– Да ну ее! На нежить не обижаются. Лучше дай ей чернил, они все равно больше ни для кого не нужны! – шепнула она.

– Сама нежить! Я все слышала! А с остальным я согласная! – закричала русалка.

Багров еще немного покипел, но потом открыл ящик и протянул русалке стеклянную бутылку с чернилами, возникшую в ящике одновременно с поступившим вызовом.

– Только чтобы в Эдеме не знали! – предупредил он.

– Само собой, шеф! У вас выполненный вызов, а я не умру от осушения! – заявила русалка, целуя бутылочку.

– А на чай? – насмешливо спросил Багров.

Русалка кисло посмотрела на него, куда-то отплыла, животом выкинулась на плиты бассейна, пошуршала в тумбочке и вернулась с чем-то завернутым в бумажку.

– Что это? – поинтересовался Матвей. – Жемчуг Посейдона?

– Сахар, – сказала русалка. – На чай я даю сахар. Все, топайте отсюда!

Железная дверь, загрохотав, распахнулась.

– Веселая у нас жизнь! – вздохнул Матвей, подходя к лестнице. – Спаиваем русалок, у которых есть справка, что они истерички. Домовые швыряют в нас холодильниками. Подделываем ведомости в Эдем, потому что по бумагам нам вместо перхоти барабашек прислали труху чудо-дерева, а объяснять это канцелярии себе дороже. Там заведут дело о возврате и будут присылать нам розовые бланки на заполнение. И так каждый день!

– Может, это и есть добро? Ну, в смысле, такое, какое должно быть. Кривое такое, но настоящее? – спросила Ирка.

Они вернулись в автобус и нашли на сиденье надрывающийся зудильник. На экране нетерпеливо прыгал Антигон.

– Куда вы подевались? Хотите новость? – завопил он.

– Я не хочу новостей, – сказал Багров. – Я хочу домой и спать.

– Вы где? – перебил его кикимор.

Ирка описала ему место, и ее бывший оруженосец немедленно телепортировал, свалившись на крышу их автобуса. Причем ударов было даже два, потому что за мгновение до Антигона туда же на крышу шлепнулась его булава.

– Вмятины будут! Хотя я даже рад! Автобус Бабанин, – сказал Матвей.

Ирка недовольно покосилась на него. Матвей и Бабаня вечно ее делили, как когда-то подружки в забытом детстве. Каждая тянула ее за рукав шубки в свою сторону, и обе кричали: «Моя! Нет, моя!» Дружить с Иркой вместе у них почему-то не получалось.

– Мерзкая хозяйка! Пните меня хорошенько, чтобы я обрел дар речи! – потребовал Антигон.

Ирка старательно пнула его так, что Антигон перевернулся через голову. Она знала, что если сделать это слабее, он обидится.

– Так! А теперь ушко покрутите! – промурлыкал кикимор.

Ирка схватила его за ухо и, дернув вверх, закрутила винтом. Нос у Антигона умиленно замерцал.

– Уф! Как же мне этого не хватает! Даша – она так не может. Максимум терзает мне нервы, отказываясь есть мою стряпню!.. Короче, вот новость, гадская хозяйка! Домовой Арчибалд не может переселиться, потому что он что-то хранит! Он вам пытался объяснить, что не может, но вы не поняли, и он разозлился. Просит у вас прощения за холодильник и за летающие гвоздики.

Ирка махнула рукой, показывая, что не сердится:

– А что он хранит?

– Он не может сказать. Но если он перестанет хранить, всех ждут большие беды.

– Какие?

– Думаю, он сам не до конца знает. Но говорит, что очень большие! – Показывая, как велики будут эти беды, Антигон раскинул руки и с удовольствием задел Багрова по лбу.

– Так, значит, надо, чтобы старый каретный сарай завтра не снесли! – решительно сказала Ирка.

– Не волнуйтесь, кошмарная хозяйка, завтра не снесут! – пообещал Антигон и ласково, как котенка, погладил свою булаву. – Бульдозер, который должен был приехать на снос, как назло сломался... Ай-ай-ай, какие они хрупкие, эти бульдозеры! А такие огромные на вид!

– Так они другой пришлют.

Кикимор смущенно зашмыгал носом, стал толкать его рукой, смял и принялся расправлять.

– Другие бульдозеры у них тоже того... Между нами говоря, этот Арчибальд совсем ку-ку! Я рядом с ним просто образец психического здоровья! За то время, пока он поломал три бульдозера, я сломал всего один.

– Три бульдозера? За то время, пока мы лечили русалку от осушения, вы не только поларили, но и сломали три бульдозера? – недоверчиво переспросил Багров.

– Малость побольше... Три – это так, для разминки. Правда, Арчибальд поломал свои бульдозеры некачественно! Просто оторвал гусеницы и забросил их метров за пятьсот. Ну и двигатели, конечно, слегка расплавил. Хотя скрывать не буду: он чуток разбирается в боевой магии! Ну так, в общих чертах! – сказал Антигон и ревниво мигнул носом, потому что терпеть не мог никого хвалить.

Когда Антигон телепортировал, спеша к Даше-валькирии, Ирка стала припоминать, что еще она сегодня не завершила. В памяти беспокойными тараканами шевелились минимум два незавершенных дела.

Ага, вот и первое! У Бабани сегодня день рождения, а она, забежавшись, чуть об этом не забыла! Внучка, называется! Деловая колбаса! Всем пересыхающим русалкам помогла – где тут о родной бабушке вспомнить! Ирка метнулась звонить – да куда там! Денег на телефоне по закону подлости не оказалось. У Багрова же аппарат явно сглазили, видимо, все та же русалка. Стоило поднести его к уху, как из динамика начинала хлестать вода, да еще так хлестать, будто внутри был заключен небольшой водопад.

– Матвей! Сделай что-нибудь! – умоляюще сказала Ирка.

Матвей вздохнул и послушно отправился что-нибудь делать. Осторожно ступая через раскисший газон, он подошел к девушке лет двадцати, гулявшей с дрожащей собачкой на длинном поводке.

– Привет! Дай мне свой телефончик! – потребовал он.

Девушка испуганно уставилась на него.

– Телефон дай! – повторил Матвей.

Девушка пригляделась к нему внимательнее. Парень на вид немного странный, но молодой, симпатичный. В глазах роковая печаль.

– Ну не знаю... как-то неожиданно... Может, лучше по контакту спишемся? – предложила она робко.

– Телефон! Вопрос жизни и смерти! – повторил Багров еще настойчивее.

Упоминание о жизни и смерти произвело на девушку впечатление.

– Ну хорошо... – решила она. – Записывай! Плюс семь девятьсот шестнадцать...

– Какой «плюс семь»? Просто телефон дай – нам с невестой бабушке надо позвонить! – объяснил Матвей.

Девушка наконец поняла, что у нее просят, и, вспыхнув, сунула ему свой мобильник. Звонок был сделан, и Бабаня поздравлена со всей возможной тщательностью.

Матвей отдал девушке телефон, поблагодарил ее и вернулся.

– Я, кстати, теперь знаю, как знакомиться. Только что придумал, хотя уже и неактуально.

Ирка ощутила укол ревности:

– С телефоном, что ли?

– Да нет. С телефоном – это так: метод для бедных. Есть способ получше! Надо подойти на улице к незнакомой девушке, шепнуть ей на ухо «Не ходи за мной!», после чего быстро улепетывать дворами, временами таинственно оглядываясь и поднося палец к губам.

– Ну да, – рассеянно согласилась Ирка. – Может сработать! Если хочешь, чтобы женщина что-то сделала, запрети ей делать именно это.

Представляя себе девушку, отслеживающую дворами некромага, она случайно нашарила в памяти еще одно дело, которое давно откладывала, как откладывают все действительно важные дела, требующие большого выплеска души.

– Матвей, бросай здесь машину! И ящик тоже бросай. Пока новых вызовов нет, давай быстренько телепортируем в центр! – велела она.

– На «Арбатскую» в переход, что ли? – сразу угадал Багров.

Глава третья

Новый друг Корнелия

*Революцию готовят гении, осуществляют фанатики, а
плодами ее пользуются проходимцы.*

Отто фон Бисмарк

Ирка и Багров долго барабанили в железную дверь, подписанную «**Ответственный: Гормост**», пока им наконец не открыли. Корнелий был в шарфике, в свитере и в тапках, надевших на толстые шерстяные носки. Видимо, элементарно мерз. Рядом с ним сидел и печальными глазами смотрел на Ирку Добряк.

– Привет! Кто тут ответственный гормост? – весело спросил Багров.

Ирка незаметно толкнула его ногой. Шутка была на грани фола, поскольку напоминала о Варваре. Однако Корнелий шутке не вздрогнул и улыбнулся Ирке вполне доброжелательно. Заметно было, что гостям он не особенно рад, но, с другой стороны, не то чтобы и не рад. Смешанные ощущения.

– Проходите! – пригласил он.

Ирка и Багров прошли. В комнате, за которую отвечала гражданка Гормост, ныне переселившаяся эйдосом в свет, мало что изменилось. Казалось, если бы сюда сейчас вошла Варвара, то и не заметила бы никаких перемен. Даже ее серая пайта висела на прежнем месте, на спинке стула, рукавом касаясь пола.

Единственное, что добавилось – растрепанная стопка нотных листов, исписанных небрежно и торопливо. Тут же, рядом с флейтой, помещался и саксофон, но лежал он несколько в стороне от флейты, смущенно и виновато, как большой пес, контрабандой проникший в дом со двора, приткнулся бы рядом с маленьким пуделем.

Ирка и Багров зависли посреди комнаты, не решаясь ни сесть, ни к чему-либо прикоснуться. Темы для разговора как-то не нашаривалось. Про свет и валькирий говорить не хотелось. Все это могло задеть Корнелия, всколыхнув в нем былое. Про мрак упоминать тем более не имело смысла, и Ирка, пролистав память, сообщила, что только что они с Матвеем видели в городе уникальный самокат.

Корнелий спросил, что же в нем уникального. Ирка, развивая тему, поведала, что обычно в Москве все катаются на легких, с аккумуляторами, вошедших теперь в моду, даже и зимой некоторые ухитряются. Единственное, чего страшатся их хрупкие колесики, это дурного асфальта и выбоин. Этот же самокат был единственный в мире! Дорожный рабочий сварил его из колес для садовой тележки и случайных труб, которые покрасил в желтый цвет. Руль же взял от детского велосипеда. Получившийся самокат лавировал в пробке не хуже мотоцикла и не боялся ни выбоин, ни открытых люков, ни иных препятствий.

Корнелий про самокат выслушал вяло, хотя прежде бы непременно заинтересовался. Даже кинулся бы спешно отыскивать неудачливую садовую тележку для эксперимента.

Теперешний же Корнелий только спросил:

– Дутые хоть колеса?

– То есть? – не поняла Ирка.

– Садовые тележки бывают с дутыми колесами, а бывают с шинами из сплошной резины. Вторые катить труднее, но они не протыкаются. Какие там были колеса?

– Сплошные, – вспомнила Ирка.

– Плохо. Я бы сделал дутые, – заметил Корнелий, и на этом на теме идеального самоката был поставлен крест. Однако Ирка еще некоторое время хваталась за самокат, как за соломинку, чтобы не увязнуть в болоте молчания.

– А колеса-то... колеса... – говорила она по инерции, и Корнелий с Матвеем терпеливо кивали, пока и Добряк не задергал мордой, поддавшись настроению всеобщего соглашательства.

– Навестить решили? – вдруг спросил Корнелий, решительно прощаясь с самокатом.

– Да, – сказала Ирка.

– Да, – сказал Багров.

– Это хорошо, – одобрил Корнелий.

– Как твои дела? – спросила Ирка.

Дела у Корнелия, как оказалось, относились к разряду «хорошо». Багров отозвался, что это здорово, когда дела хорошо. Хуже, когда они плохо. Ирка опять толкнула его ногой.

– Музыкой балуешься? – спросил Матвей, которого, видно, надо было бить не ногой, а ломом.

Корнелий вздрогнул.

– Музыкой, – согласился он и добавил через укоризненную паузу: – Балуюсь.

– А почему саксофон? Ноты для него разве такие же, как для флейты? – задала вопрос Ирка.

– Что ноты? Ерунда ноты! Музыка у меня давно здесь, – Корнелий ногтем указательного пальца царапнул себе лоб.

Багров взял ноты в руки. Когда-то и его учили играть, только на клавесине. Смешной такой старинный клавесин. Маленький Матвей очень его любил, хотя и задумывался порой, что случится, если подложить под него бочонок с порохом и выпалить из пистолета.

Ноты были заложены метательным ножом. Но не метательный нож удивил Багрова – метательных ножей он видел немало, – а то, как тщательно нож был подлажен, правильно заточен и как долго его, должно быть, использовали. Это было заметно по множеству мелких ссадин на металле.

– Откуда? – спросил Матвей, зная, что Корнелий прежде не особенно дружил с метательными ножами.

– Отдай! – потребовал Корнелий.

Матвей послушно отдал. Корнелий подержал нож в руке и метнул его в стул. Нож отсек от спинки стула длинную щепку, после чего, тренькнув, отлетел в угол.

– Мимо! – сказал Багров. – Но ты его напугал! Больше стул не будет тебя обижать!

Корнелий грустно улыбнулся:

– Не умею я, да. Но я учусь... А нож – это подарок.

– Чей?

Корнелий задумался, взвешивая, говорить или нет, а потом сообщил, что недавно встретил в переходе человека на каталке. Ног у него не было по самые бедра, и перемещался он в тележке с колесами от роликов. Очень ловко перемещался. Руки у него были сильные и ловкие, как у... Тут Корнелий осекся, но потом все же договорил слово «обезьяна».

Ирка стала слушать совсем внимательно. К инвалидам у нее было особое отношение. Отношение изнутри. Она знала, чего им стоят самые неприметные вещи. Никто не поверит, как это трудно. А вот попробуйте-ка! Ложитесь на пол, представьте, что у вас парализованы ноги, и попытайтесь вскарабкаться на кровать, а с кровати пересестись на стул, который будет изображать кресло.

– В общем, все было так! – сказал Корнелий. – Я хотел поднять его по лестнице. Он усмехнулся, встал на руки и обогнал меня ступенек на десять, хотя я бежал изо всех сил.

– А тележка?

– Она закреплена. Там фартук такой кожаный. Мне кажется, из пушки надо попасть, чтобы тележка потерялась.

– И ты пошел с ним? – спросила Ирка.

– Да. Мне стало любопытно. У него бородка такая мушкетерская. И усики. И сам он такой весь вспылчивый, резкий и галантный. Меня он заинтересовал... Мы шли и говорили – не помню уже о чем.

– Вы шли? – переспросил Багров.

Ирка опять его пнула.

– Я шел. А он катился, – укоризненно поправился Корнелий. – А где-то на середине Старого Арбата ко мне пристали два комиссионера и два суккуба. Они часто приставали ко мне и раньше, издевались, бросали грязью. Понимали, что я ничего не могу им сделать.

Корнелий вздрогнул. Видно, происходило это часто. Комиссионеры и суккубы обожают глумиться над бывшими стражами.

– И? – спросила Ирка.

– И мой спутник вдруг что-то сделал. Что-то очень быстрое – и их вдруг не стало. Только четыре кучки на асфальте. Две кучки как мокрая глина, а две – просто тряпки, пахнущие духами... А потом... потом я пригляделся к нему и понял, что он тоже **страж света! и тоже бывший, как я!**

Корнелий почти выкрикнул эти слова, такие они были важные.

– Его зовут Дион. У него нет ни флейты, ни крыльев, ни ног. Когда-то он сражался с Ареем. Вызвал его на поединок. Арей в бою разрубил его флейту, отсек ему ноги, сдернул с шеи крылья и ушел, отчего-то пожалев добивать. Дион выжил и остался на земле.

– А вернуться в Эдем? – спросила Ирка.

– Без крыльев и без флейты? Нереально. Да Дион и сам не захотел бы стать предметом всеобщей жалости. Все на тебя смотрят и притворяются, что с тобой все отлично, просто лучше не бывает, а сами-то глазками шмыг... шмыг. Нет, для Диона это невыносимо! Слиться же с абсолютным светом он сможет только в момент полной смерти.

– И он... – начал Багров.

– ...остался на земле и продолжил борьбу с мраком! – сказал Корнелий. – Потом мы с ним разговорились. Судьбы-то схожи. Я спросил: «Что ты умеешь?» – «Я умею метать ножи». – «И это все?» – «Я умею метать ножи!» – повторил Дион.

В этом месте рассказа, по словам Корнелия, бывший страж света положил на ладонь два ножа, бережно поправил их пальцами свободной руки, а потом ножи просто исчезли и звякнули об асфальт за спиной у Корнелия.

«И это все?» – спросил Корнелий.

«Да, – грустно ответил Дион, подъезжая на тележке и наклоняясь, чтобы поднять ножи. – Боюсь, что все. Ведь я тренировался всего двадцать два года по девять часов в сутки. Большого мне достичь не удалось...»

Корнелий хотел утешить его, но тут с него вдруг свалились очки. Корнелий подхватил их. Оказалось, что крошечные винтики на его дужках были аккуратно раскручены – именно раскручены! – сорвавшимися с ладони ножами.

Багров оценивающе нахмурился:

– Винты? Раскрутил? Не верю!.. Ножи, конечно, артефактные? Простыми он бы суккубов не прикончил!

– Артефактные, – согласился Корнелий. – Но это не такого рода артефакт. То есть метанию это мало помогает. У меня вон нож даже в стул не воткнулся... В общем, теперь мы с ним дружим. Он иногда приходит сюда, но предсказать время его появления нереально.

– А живет этот Дион где? – спросила Ирка.

– Везде, – отозвался Корнелий. – Он отслеживает комиссионеров, суккубов, даже, кажется, стражей мрака. И стражи мрака, разумеется, тоже не прочь его найти и исправить, так сказать, оплошность Арея. Поэтому жить в одном месте Дион себе позволить не может.

Ночует на чердаках, в подземье, в метро... У него сотни убежищ по всему городу. А уж маскируется он – ого-го!

Голос Корнелия зазвучал вдруг весело и живо. Лицо точно осветилось изнутри. Он стал вдруг каким-то особенным, новым, горящим как люди, сосредоточенные на чем-то одном и постоянно имеющие в сердце одну греющую их мысль. Какую-то такую затаенную важную мысль, которую невозможно отнять, даже уничтожив человека или стража совсем.

– И ты тоже будешь теперь метать ножи? – спросила Ирка.

– Да. Не знаю. Нет. Не буду, – путано сказал Корнелий. – То есть я хочу научиться метать и даже делаю каждый день по сто бросков, но это все не главное. А сто бросков – да. Делаю и буду делать...

Корнелий кинул взгляд в угол комнаты, и Багров, обернувшийся вслед его взгляду, обнаружил там широкую деревянную доску со следами строительного раствора. Доска имела множество следов от метательного ножа.

– А главное что? – спросила Ирка.

– Я мечтаю создать такую музыку, которая уничтожала бы суккубов и комиссионеров без магии! Вытесняла бы их! Не позволяла им приблизиться! Защищала бы сердца людей! Заливала их ярким ровным светом! Ведь если каждый истребит комиссионера и суккуба в себе, им просто нечего будет делать на земле и их всех отзовут в Тартар! – Корнелий сказал все это тихо, но вместе с тем и восклицательно. Сказал – и сразу отвел взгляд, на всякий случай оберегая свою мечту от Ирки и Багрова. А то мало ли... Мечты – они хрупкие.

– Как думаешь, смогу? – спросил он минуту спустя.

– Сможешь. Если будешь работать по девять часов в сутки двадцать два года подряд, – отозвалась Ирка.

– Не пугай его! Можно и за шестнадцать лет обернуться, если тренироваться по двенадцать часов в сутки! – утешающе сказал Матвей, у которого было очень неплохо с умножением и делением, поскольку во времена его детства калькулятор был еще не изобретен.

Глава четвертая

Левый грифон

Большинство безнадежных задач перестают быть безнадежными, едва только начинаешь их решать. Например, когда считаешь, что автобус уедет, но все же начинаешь его догонять, то в восьми случаях из десяти успешно догоняешь и только в двух случаях он уезжает. Проигрывает только тот, кто сам сдается.
Эссиорх

Мефодий лежал на спине и смотрел на небо. Небо было затянуто невообразимо яркими облаками. Казалось, с противоположной стороны пробивается ослепительный солнечный свет. И при этом ласковый, хороший какой-то свет. Мефодия наполняло ощущением заботы. Он чувствовал себя в огромных, бесконечно любящих руках. Другая особенность туч состояла в том, что они были неподвижными и очень плотными. Точно кто-то взял тучи и спрессовал их неведомой машиной, устроив уровни как во многоэтажном торговом центре. Местами тучи все же расступались, и в зазорах Мефодий мог видеть следующий ряд туч, намного более яркий, чем предыдущий.

Буслаев лежал тут уже долго. По сторонам почти не смотрел, лишь ощущал, как изредка по его лицу скользят тени, видимо, от деревьев, которые раскачивал ветер. У него не было никаких мыслей, никаких желаний. Ему было просто хорошо. Бывают такие состояния, когда ты так счастлив, что боишься даже двинуться или подумать о чем-то, потому что тогда это ровное тихое счастье будет нарушено и в него подмешаются тревога и суета.

Но бесконечно не думать Мефодий не мог, и постепенно какие-то мысли стали просачиваться в его сознание.

«Где... я?» – подумал он, и от этого «где» до «я» прошла, казалось, целая вечность.

Возможно, следующую мысль Буслаев думал бы так же долго, если бы в воздухе что-то не просвистело. Недалеко от Мефодия в землю кто-то врезался и, прокатившись, ударил Мефа пятками в грудь.

Буслаев рывком сел. Перед ним, оглушенно вращая головой, сидел пузатый, очень широкий в плечах рыжебородый гном. На лбу у гнома вздувалась шишка размером со сливу. Гном сердито посмотрел на Мефа, вскочил, прислушался и опрометью бросился прятаться в кустарник. Немного погодя из зарослей послышался треск, и появились четверо домовых в красных рубашках с подпоясками. Двое домовых были средних лет, один пожилой и один совсем юный, у которого ни борода, ни усы пока не пробились.

– Шпиона видел? Опять в наш сектор пролез! Им только волю дай, они все изумруды выкопают! – закричал этот молодой, подскакивая к Буслаеву.

– Шпиона? – непонимающе переспросил Меф.

– Мы его из катапульты запулили, домой, стало быть, вертать, да смазали маленько. За вершину дерева зацепился и куда-то сюда бумкнулся, – объяснил домовый.

Тут в кустах, где прятался гном, опять затрещало, и все четверо домовых, переглянувшись, кинулись на этот звук. Маленькая поляна опустела. Буслаев посидел еще немного, а потом встал и, потирая ушибленную гномьими пятками грудь, побрел по едва заметной тропинке.

Шел он долго и не переставая прокручивал в голове одну и ту же мысль. Мысль совсем простую. Буслаеву важно было додумать ее до конца и раз и навсегда поставить точку, чтобы, все для себя решив, больше к этому не возвращаться.

«Меня убили... Я в Эдеме... Убили меня, в Эдеме я».

Мефодий, наверное, потому так усиленно вертел в голове одну и ту же мысль, что ждал, что она ужаснет его или испугает, но почему-то не испытывал ни ужаса, ни страха – лишь удивление. Дважды он задира́л майку и то ощупывал, то просто смотрел на то место, куда вонзилось копьё Джафа. Ни шрама, ни боли, ни каких-либо морозных ощущений. Ничего.

О том, что произошло недавно, Мефодий помнил очень немного. Помнил рану, нанесенную копьём, и как больно и страшно было ощущать в себе нечто чужеродное, бесконечно холодное, сковывающее его льдом. Потом помнил маленькую точку на небе, которая, становясь все больше, превратилась в корабль с наполненными солнечным светом парусами. Лишь одного память Мефодия не сохранила – самой ладьи. Что было на ней? Как он оказался в Эдеме? Что стало с его телом и то ли это тело или уже другое?

Буслаев пробирался сквозь заросли уже около часа, когда на глаза ему попала молоденькая слива, покрытая плодами. Меф съел одну, потом другую и протянул руку за третьей, как вдруг с ветки кто-то сказал:

– Три – это перебор!

Мефодий задрал голову. На дереве сидела крупная птица с радужным оперением и лицом женщины. Лицо у птицы было красивое, но загнутые когти внушали опасения.

– Почему? – спросил Буслаев осторожно.

– Ты что, новенький, что ли? Это персики честности. Два еще нормально, но с третьего персика будешь резать правду-матку, даже если тебя не спрашивают. Кричать приятелю, что он плохо выглядит, еще метров за пятьдесят! – сказала птица и расхохоталась.

Зубы у нее были под стать когтям. Когда у тебя такие зубы, бесполезно утверждать, что ты питаешься только вишенками.

– Ты кто – си́рин? – спросил Буслаев.

Вопрос был невинный, но птице он почему-то не понравился. Она махнула крылом – и в полуметре от Мефа в землю с металлическим звоном вонзилось длинное, в две ладони перо.

– Метательное? – спросил Меф.

– Ну не то чтобы метательное, но уложить может! – признала птица не без удовольствия. – И еще кое-что! Заруби себе на извилинах: я не Си́рин!

– Алконост?

– У Алконоста руки есть? – произнесла птица с глубоким укором.

– Н-нет, – наудачу сказал Меф.

– А вот и мимо! У Алконоста руки как раз и есть! А у меня, как видишь, нет! – пояснила птица. – Кроме того, я не Финист, не Феникс, не птица Фи́ус, не Куропь, не Габучина! И вообрази себе: не Дребезда, не Кува, не птица Обида...

В голосе птицы постепенно зазвучала истерика. Она явно накручивала себя. Еще одно метательное перо опасно зазвенело в воздухе, скользнув над головой Мефодия.

Буслаев попятился и стал быстро отходить. Птица захлопала крыльями, снялась с места и устремилась за ним.

– Не Чирея, не Грызея, не Подкожница, не птица Удавница! – кричала она, тяжело перекакивая с ветки на ветку и сотрясая деревья.

– Она Гамаюн! – шепнул кто-то из кустарника. – Скажи ей «Гамаюн», а то не отстанет!

– Ты Гамаюн! – крикнул Меф.

Лицо когтистой птицы исказилось от разочарования.

– Заложили! – сообщила она мрачно. – Я знаю, кто это сделал! И кое с кем расквитаюсь!

Кустарник захохотал, да так, что листья задрожали, а с веток посыпались ягоды.

– Запомни свои слова, Лаура Беатрис Третья! Запомни их на всю жизнь! – загремел голос. – Ты обещала расквитаться со мной! Считаю до трех и требую, чтобы ты выполнила свое обещание! Один, два... Ну, я жду! Сейчас скажу «три» и выхожу!

Птица Гамаюн развернулась и, хлопая крыльями, трусливо унеслась в лесную чащу. Выждав немного, Мефодий раздвинул руками ветки кустарника. На земле сидела довольно крупная лягушка. От гнева она была ярко-красной, но уже начинала остывать.

– Поцелуй меня! – потребовала она у Буслаева.

– Зачем?

– Глупый, что ли, женщине такие вопросы задавать? Целуй!

– Только я жениться не буду! – предупредил Мефодий на всякий случай.

– Да кто бы сомневался! Ну!

Буслаев послушно поцеловал лягушку, без брезгливости отплюнув мушиное крылышко, прилипшее к длинному лягушачьему рту. И – ровным счетом ничего не произошло. Ни лягушка не превратилась в человека, ни Мефодий – в лягушку.

– Что, никак? Значит, не ты! – сказала лягушка надрывно. – Пророчество гласит: я превращусь в человека, когда полюблю того, кто меня поцелует! А я все не люблю и не люблю. И ты ведь меня не любишь? Вот в чем проблема! Все на месте: романтическая чаша, говорящие бабочки, припадочная птица Гамаюн трещит кустами, пролетают гномики из катапульт. Все есть – только любви нет!

– Ты Василиса Прекрасная? – спросил Меф.

– Нет, Василиса – моя дальняя родственница. Кстати, никакая она не прекрасная, но это строго между нами. А я Василина Ужасная, – серьезно объяснила лягушка. – Улавливаешь разницу? Василина – это почти василиск. Я умею взглядом превращать в камень, оттого Гамаюнша меня так и боится.

– А-а! – протянул Меф. – А как мне выбраться отсюда?

Лягушка задумалась, пристально разглядывая Буслаева. Ее горло то надувалось, то сдувалось.

– Выбраться – запросто! – сказала она наконец. Шевельнула лапкой, и прямо из воздуха выкатился золотой клубок. – Он выведет тебя из Чащи Нежити напрямик к Дому Светлейших!

Василина Ужасная выстрелила липким языком и, проглотив пролетающую стрекозу, сплюнула крылышко.

– Что-то не так с этой стрекозой! Вкус не типичный, – сказала она задумчиво. – Не удивлюсь, если это была какая-нибудь заколдованная девушка. В начальный период истории древние боги очень злоупотребляли массовыми превращениями.

– Мы в Чаще Нежити? – спросил Меф, прокручивая в голове полученные инструкции.

– Ну да. А куда еще нежити деваться, кроме как в чащу? Из человеческого мира нас вытурили, а здесь хоть жалеют.

Василина Ужасная плаксиво квакнула, и из ближайшего болотца ей отозвалось еще лягушек десять, тоже, видимо, волшебных. Подождав, пока гвалт ее товарок смолкнет, Василина Ужасная посмотрела на Мефа и таинственно коснулась лапкой рта.

– Только вот какой тебе совет! Ты им сюрприз сделай! Обрадуй их! – прошептала она.

– Кого «их»?

– Их, всех! Светлых! Ты ведь Мефодий Буслаев?

– Откуда ты знаешь?

– Ну как же? А волосы? А отколотый зуб? Думаешь, я стала бы целоваться с кем попало?! В голосе лягушки было столько негодования, что Мефодий виновато кашлянул.

– Это ведь тебя Ладья Света привезла? Видела я, как она у нас над леском летела. Надо было тебя сразу к Дому Светлейших везти, да ветер, видать, не попутный случился. Вот ладья тебя в чащу и сгрузила. Светлые там теперь небось измаялись. Цветочки готовят, плакаты пишут. «Пример для подражания», «Лучший боец света вернулся на родину», «Буслаев – ты наш кумир!» Ну и другое, может, что. Мне отсюда из леса не видно.

– Да ну, ерунда какая! – фыркнул Меф. – Разве я лучший?

– Ну-ну, не скромничай! А какой же ты? Худший? Кто Джафа победил, кто к свету из мрака шагнул? Ты теперь в Эдеме номер один, ну после Троила, конечно...

Мефодий смутился. Он хоть и не считал себя первым после Троила – но с какой стати лягушке обманывать? Да, глупейший момент. Тебе будут говорить: «Ты первый!», а ты будешь краснеть как принцесса и повторять: «Ну что вы! Я обычный парень! На моем месте это сделал бы каждый!.. Давайте поговорим о чем-нибудь другом! Как цветочек этот называется?»

– А нельзя ли как-нибудь избежать всего этого? – спросил Меф.

– Чего?

– Ну, торжественной встречи!

Василина Ужасная радостно квакнула:

– Это правильно! Ква! Квазимудро! Ты хочешь войти в Дом Светлейших запросто, незаметно, без помпы! Скромность – вот истинное величие! Не сомневайся – это поймут и оценят!

– Так можно или нельзя? – нетерпеливо повторил Меф.

Лягушка надолго задумалась, изредка вкрадчиво скашивая на него круглые глазки.

– Есть один способ! Ты, как клубок тебя приведет да обратно укатится, по сторонам смотри! Перед Домом Светлейших будет оградка, а в ней – ворота. Ты к воротам не иди, левее огибай, по тропочке, вдоль кустов. Ищи, где можно через кусты протиснуться к самой стене Дома Светлейших. Там маленько горячо будет, но ты ближе к кустам жмись! Не сгоришь! И крадись до самого входа!

– Думаешь, проскочу?

– Конечно проскочишь! Ждать-то тебя у ворот будут. А там внутри уж как-то глупо с транспарантами бегать. Ну, может, сунут цветочки – да и все дела... И сразу на третье небо спеши! Теперь-то ты там сидеть будешь, рядом с Троилом! Ну, может, переведут его в более скромный кабинет, а ты уж в его старый!

Василина Ужасная махнула лапкой, и зависший в воздухе клубок, вздрагивая от нетерпения, упал на траву.

– Только вот совет! Клубок руками не трогать!

– А что будет, если трону?

– Ну что-то да будет! – уклонилась от прямого ответа лягушка. – Ну ступай! И как Шмыгалку увидишь, передавай ей привет от Василины Ужасной! Мы с ней старые подруги. Договорились?

Мефодий пообещал. Лягушка легонько подула, и клубок, ускоряясь, покатился сквозь чащу. Катился он быстро, не разбирая дороги. Буслаев несся за ним как молодой лось. Перемахнул через поваленные стволы, кувырком скатился в ручей и едва не сломал ногу, прыгая по скользким валунам. Клубок даже не попытался приостановиться, золотым мячиком прыгая далеко впереди.

Лес, по которому бежал Мефодий, был полон жизни. Легкие, как дуновенье ветра, дриады раскачивались на ивовых ветвях. В ручье плескалась полупрозрачная наяда, а хмурый козлоногий сатир караулил ее за большим камнем, готовя сеть из водорослей. Заметив вынырнувшего из чащи Буслаева, он слегка смутился, спрятал дубинку за сеть и сказал: «Чего смотришь? Я, может, предложение сделать хочу! И вообще я тут рыбу ловлю!»

На поляне у озера трое водяных забивали козла. Козел блеял и бодался. Потом, поддев одного из водяных рогами, вырвался и умчался на луг, где в невесомо легком серебристом ковыле ходила небольшая группа кентавров. Взрослые кентавры неспешно беседовали, а юные носились, взбрыкивая как жеребята, и то и дело падали, чтобы поваляться в траве.

Клубок скользил в траве, изредка высоко, метра на два, выпрыгивая из нее, чтобы Меф мог его разглядеть. Опасаясь отстать, Буслаев разгонялся все быстрее. В какой-то момент он потерял клубок из виду. Остановился, растерянно вертя головой, взбежал на холмик, опять

огляделся и, ничего не увидев, наудачу нырнул в траву, продолжая то примерное направление, в котором они двигались до сих пор.

И именно в это мгновение клубок выпрыгнул из травы у него перед глазами. Мефодий машинально махнул рукой и поймал клубок в ладонь. Клубок, точно взорвавшись, распутался и с ног до головы обвил его золотой нитью. Буслаев рванулся, пытаясь порвать ее, но бесполезно. Он уже больше походил на кокон, чем на стража. Пытаясь съежиться в надежде, что нити соскользнут с него, Мефодий невольно сделал выдох и слишком поздно понял, что, выдохнув, он одновременно и подул, то есть сделал то же, что делала лягушка, отправляя клубок в путь.

Клубок заметался, опутывая Мефодия еще больше и придавая ему округлую форму, а потом рванул напрямик через луг, неся Буслаева в себе. Мефодий прыгал внутри клубка, точно закатанный в снежный ком. Шар подпрыгивал, шлепался в траву, катился по кочкам, по косогорам, и Буслаев, мгновенно потерявший ориентацию, потому что земля и небо посекундно менялись местами, удивлялся лишь тому, что до сих пор не свернул себе шею.

«Хва-тит. Хва. Тит. Тит. Тит. Хва. Тит. Тит», – стучал зубами Мефодий, произнося «хва» всякий раз, как шар отделялся от земли, и «тит», когда он в нее врезался.

Меф уже не верил, что останется в живых, когда клубок вдруг остановился, и нити, распутавшись, освободили его. Выплюнутый наружу, Буслаев лежал и смотрел, как клубок, неторопливо свивая нити, приводит себя в порядок. Чем-то его движения напоминали движения кошки. Свившись, клубок подпрыгнул, притворяясь, что хочет вновь коснуться Мефа, и неспешно покатился к синевшему в отдалении лесу.

Мефодий, в страхе отдернувшийся от клубка, скатился с небольшого холмика, вскочил на ноги и сразу же упал. Голова кружилась. Опять вскочил – и опять упал. Больше вскакивать он не рискнул и стоял на четвереньках, борясь с тошнотой. Наконец тошнота отступила. Мефодий перебежал на четвереньках к ближайшему дереву и, держась за ствол, встал.

Недалеко от него, самое большее в полукилометре, был Дом Светлейших. Он походил на столп света, на который, точно колеса детской пирамидки, были нанизаны неподвижные облака. Отчетливо Мефодий видел только ближайшее. Следующие уровни скорее угадывались в разрывах первого облака.

Прикрывая козырьком глаза, потому что яркость была зашкаливающей и глаза в ней просто захлебывались, Мефодий стал осторожно оглядываться. Он стоял у холма в стороне от всех дорог. Едва ли кто-то сейчас его видел, и это было хорошо.

О чем тут говорила лягушка? Ага! Вот ограда из кустарника примыкает к Дому Светлейших. А вот и ворота, в которые то и дело ныряют и из которых появляются стражи света. Да, многовато их! Незамеченным не проскочить, это точно.

Держась ближе к деревьям, которые закрывали его от дороги, Мефодий приблизился к ограде. Даже с этой стороны он ощущал ровный сухой жар. Пот заливал ему лицо. Спешить в Дом Светлейших Мефу уже совершенно не хотелось. Напротив, хотелось повернуться и бежать со всех ног. И как только кустарник не сгорит? А он, кажется, не только не горел, но и выбрасывал огромные алые цветы. Каждый цветок существовал всего секунд двадцать, а затем погасал и вспыхивал в другом месте. Однако, пока цветок был открыт, на него успевало усесться несколько огромных бабочек с крыльями в две человеческие ладони.

«Нет, мне все-таки надо туда, раз уж там меня ждут!» – упрямо подумал Меф.

Подпрыгнув, он попытался перекатиться через кустарник – в конце концов, стена была не такой уж высокой, – но ветки, пружиня, отбросили его как живые руки. На вторую попытку Буслаев не решился: чувствовал, что все повторится. Поднявшись с земли, он побежал вдоль зеленой стены, пристально вглядываясь в нее. Через какое-то время ему повезло: в одном месте кустарник был посажен неравномерно, и, хотя наверху ветки и смыкались, внизу между стволами оставалась щель, куда вполне можно было протиснуться.

Мефодий лег на траву и, обдирая ветками спину и плечи, ужом пробрался на ту сторону. Осторожно поднявшись и вжимаясь спиной в кустарник, он стал боком пробиваться ко входу. В узком зазоре между кустарником и стеной было невыносимо жарко. Меф ощущал, как раскаленный воздух обжигает ему кожу и легкие. Глаза он рисковал открывать лишь чуть-чуть, крошечными щелочками. От раскаленного света лицо Мефодия отделяло самое большее сантиметров пятьдесят. Он буквально ощущал, как белеют его брови и поджаривается кончик носа.

Отыгрывая каждый сантиметр, он с силой откидывался назад, вжимаясь в кустарник и боясь, что тот сейчас вытолкнет его вперед, как сделал это раньше.

Один шаг – один вдох – одна сухая порция воздуха, обжигающая губы и легкие. Тридцать шагов... пятьдесят... Временами Буслаеву чудилось, что от него остались одни угли. Он бы уже много раз вернулся, но понимал, что лазейки ему больше не найти и в нее не протиснуться. Теперь придется либо погибнуть, либо пробиться ко входу. Глаз он больше не открывал даже щелочками. Все равно ничего не увидеть... Ошпаренные веки болели, и Меф понимал, что, открыв глаза, ошпарит и их, и это будет уже конец. После сотого шага Буслаев сбился уже и со счета, потому что никакая последовательность цифр не держалась в его раскаленной голове, и только мысленно повторял: «Один... два... много... один... два... много».

Внезапно его правая нога куда-то провалилась. Мефодий попытался вцепиться в кустарник, но тот ускользнул от руки, и, не удержавшись, Буслаев куда-то полетел. Послышался плеск, и вдруг наступила долгожданная прохлада.

Вода! Жизнь! Меф вынырнул и опять нырнул. Первые секунды он ни о чем не думал – только жадно глотал воду и нырял, ощущая, как кожа остывает, исцеляясь от ожогов. Он ощутил это и по векам, которые внезапно перестали болеть. Мефодий рискнул открыть глаза и осмотреться. Он барахтался в небольшом, идеально круглом пруду с песчаным дном. Ограда здесь отодвигалась от Дома Светлейших шагов на сто и дальше шла уже по берегу пруда. Над прудом, нигде его не касаясь и нарушая все возможные законы, парил мостик без перил.

Отсюда видны были и ворота, а у ворот довольно много стражей. Правда, все они шли по своим делам, и не похоже было, что они кого-то ожидают. Ни цветов, ни обещанных плакатов – ничего. Но Мефу больше не хотелось ни в кого вглядываться. Убедившись, что здесь не так жарко, как у стены, он животом выбрался на мостик и зашагал ко входу.

Перед Домом Светлейших, у единственного в него входа, неподвижно сидели два каменных грифона. Мефодий, слышавший о них от Дафны, поначалу посмотрел на грифонов с легким опасением. Потом даже и не с легким опасением. Почему-то оба грифона совсем ему не нравились, а раз они не нравились ему, то почти наверняка и он не нравился им. Мир устроен как огромное зеркало: любовь рождает любовь, страх рождает страх. Всякое сильное чувство почти всегда обоюдно.

– Я что, их боюсь, что ли? Никого я не боюсь! – сказал Меф, причем, как понял после, сказал это вслух.

Пересиливая свой страх, он сделал первый нерешительный шаг. Потом еще один. И все это время напряженно вглядывался в грифонов. Вдруг ему почудилось, что он услышал предупреждающий клекот. При этом оба грифона оставались неподвижными, и Буслаев затруднился бы сказать, кто из них издал этот звук. Последние шаги Меф делал медленно и осторожно, хотя и догадывался, что это глупо. Грифоны не собаки. Их не перехитришь вкрадчивостью движений и не испугаешь притворно схваченным с земли камнем.

Грифонов было два, но почему-то Мефодий смотрел только на одного, на левого. Именно у левого первым треснуло каменное веко и проглянул круглый желтый глаз с четким контуром зрачка.

Морда грифона пока оставалась каменной, но Меф теперь видел, что под камнем таится жизнь. Камень рвался как оберточная бумага, уступая тому, что под ним. Сквозь камень проступала напряженная плоть. Сухие мышцы, сжатые для прыжка. Мощь льва и резкость птицы.

Круглый орлиный зрак, не отрываясь, смотрел на Буслаева. Невольно продолжив направление его загнутого клюва, Мефодий обнаружил, что тот смотрит ему в центр груди – туда, куда ударило копьё.

– Послушай, – сказал Меф, надеясь успокоить грифона звучанием своего голоса, – давай в открытую! Я тебе не нравлюсь! Ты считаешь, что мне здесь не место!

Грифон остался неподвижным. Было непонятно, понимает он человеческую речь или нет.

– Но вообще-то я сюда не напрашивался. Меня привезла ладья. И вообще давай договоримся, что не тебе решать, хорошо? – видя, что грифон не нападает, чуть смелее продолжил Меф.

Грифон опять никак не отреагировал, однако Мефодию показалось, что его круглый зрак начинает каменеть, а трещины на груди и лапах пропадают.

«Пронесло! Значит, я все-таки достоин! Надо же!» – подумал Меф.

Успокоенный, он сделал большой шаг вперед, и одновременно с этим левый, а потом и правый грифон, раскинув крылья, прыгнули на него с постаментов. Воспользовавшись, что крыльями они зацепили друг друга, Буслаев сделал то единственное, что ему оставалось. С воплем рванувшись вперед, проскочил между грифонами и, чудом избежав удара когтистой лапой и упав грудью на великолепно отшлифованный мрамор, буквально вкатился в Дом Светлейших.

Оба грифона ворвались в холл следом за ним, сбив с ног трех стоявших на посту златокрылых. Спинай безошибочно ощущая погоню, Меф вскочил, перекатился, опять упал и еще раз перекатился. Лишь стремительно перемещаясь, он мог спасти себе жизнь. Это была игра в кошки-мышки. Две огромные кошки ловили мышку, которой, увы, оказался бедный Буслаев. В мрамор совсем близко от него врезался загнутый клюв. Плечо ободрало когтями. Меф успел броситься в сторону, безошибочно понимая, что это уже все, конец. Даже будь у него спата, она не сильно продлила бы ему жизнь. Максимум он умер бы с мечом в руке.

Один из грифонов сбил его с ног крылом. Удар крыла получился сильнее, чем ожидал сам грифон. Меф прокатился по мрамору, чудом избежав нового удара клювом. Вскочил, поскальзываясь, побежал и, оглядываясь, налетел на кого-то грудью. И сразу же его схватили, удерживая на месте.

– Отпусти! Да отпусти же, тебе говорю! – крикнул Мефодий, пытаясь освободиться и сгоряча готовый уже ударить.

Но его не отпустили. Кто-то, перехватив в воздухе его кулак, дал ему болезненную затрепщину, приводя в чувство. Сильные руки схватили его за плечи и, развернув, задвинули за колонну:

– Оставайся здесь! Не двигайся!

Послышалось рычание. Захлопали крылья. Мефодий все же не удержался и выглянул. Перед колонной, загораживая его от грифонов, раскинув руки, стояли генеральный страж Троил и Эльза Керкинитида Флора Цахес, она же Шмыгалка. От входа и от лифтовых рун к ним бежала замешкавшаяся охрана, но заметно было, что ей не успеть.

Грифоны приближались, не сводя круглых глаз с колонны, которую они огибали с двух сторон. Заметно было, что они полны решимости довести дело до конца.

– Стоять! – крикнул Троил. – Кому говорю: нельзя!

Правый грифон неохотно остановился, но левый продолжал медленно двигаться, обходя Троила сбоку как досадное препятствие. Главный страж, перебежав, опять раскинул руки и заслонил ему дорогу.

– Не трогай его! – повторил он твердо. – Он не твой! Он должен быть здесь! Назад!

Грифон, почти коснувшись Троила грудью, осел на задние лапы. Его кривой клюв, распахнутый в предупреждающем клекоте, почти касался лба генерального стража. Видя, что он не нападает, Троил немного расслабился:

– Ну вот и молодец! Ну вот и умница!

– Нет! – внезапно крикнула Шмыгалка, первой заметившая напряжение мышц на задних лапах грифона.

Грифон прыгнул на колонну и, как кот лапой, попытался выцарапать из-за нее Мефа. Сбитый с ног, Троил упал на плиты пола и заскользил по ним лопатками. Не пытаясь подняться, генеральный страж поднес к губам флейту и атаковал грифона маголодией. Мефодий навсегда запомнил сухую вспышку этой маголодии. Запомнил и то, как, возникнув звуком из флейты, она ударила грифона чуть выше передней лапы. Брызнула кровь и почему-то полетели осколки камня.

Грифон от боли зашипел, повернулся, чуть подался назад, замахнулся на Троила лапой, но тут его настигла штопорная маголодия Шмыгалки. Видимо, она была сильнее маголодии Троила, потому что грифон, не устояв на лапах, упал на пол. Сразу вскочил и свирепо рванул себе клювом раненый бок, пьянея от вкуса собственной крови.

– Успокойся! – крикнул Троил. – Не надо!

Грифон прыгнул и, раскидав крыльями подбегавших стражей, вырвался из Дома Светлейших. Троил и Шмыгалка устремились за ним. Мефодий хотел догнать их, но его не пустили златокрылые. Часть златокрылых держала Буслаева, другие смыкались вокруг второго грифона. Правый грифон сидел на месте спокойно.

«Видимо, мы оба для них опасны. И я, и грифон. Они понятия не имеют, чего от нас ждать», – подумал Мефодий.

Вернулись Троил и Шмыгалка. Раскрасневшаяся Шмыгалка поправляла флейтой прическу. Лицо у нее было крайне недовольное. Троил отрывисто втолковывал что-то высокому стражу, бежавшему справа от него. До Мефодия долетели обрывки их разговора:

– Грифон улетел из Эдема. Он ранен, взбешен и, скорее всего, находится в человеческом мире. Его непременно нужно найти, пока этого не сделал мрак!

Глава пятая

Капитан Сильвер

К каждому сказанному либо написанному слову надо кровавыми нитками пристегнуть сердце. Только тогда оно будет сильным и вечным.
Из Иркиного дневника

Утро выдалось свободным. Московская нежить решила дать Матвею и Ирке немного отдохнуть. Пришел лишь вызов от уже знакомой русалки, которая опять умирала от осушения. И опять наивная канцелярия света отозвалась на этот вызов большой бутылкой чернил спрута.

– Интересное кино, – сказал Матвей, открывая справочник магической медицины, выпущенный на Лысой Горе в год, когда там свистнул первый рак. – Одна чайная ложка чернил спрута условно равна 0,75 литра медицинского спирта. Во вчерашней бутылке было граммов двести. То есть наша русалка выдула столько, сколько и батальону солдат не выпить!

– И что будем делать? Накапаем на нее свету?

– Бесполезно. Я этот народец знаю. Русалка настроит заяву, что она угнетаемое меньшинство, лишенное родного болота и вынужденное проживать в тухлом бассейне. А в конце припишет, что мы не проявили к ней участия и вымогали взятку за оказание бесплатной медицинской помощи. Свет, конечно, ей не поверит, но проверку все равно пришлет. Прилетит молоденький стражник, не знающий уловок нежити, и будет нам заглядывать голубыми глазами в самое сердце: как мы могли так поступить? И в каждом глазу у него будет блестеть по слезе!

– Перестань! – Ирка давилась от смеха. – Лучше скажи, что будем делать. Она же нас загоняет за водкой бегать!

– А ничего не будем делать. Я сам у нее побываю, – сказал Матвей подозрительно бархатным голосом. – Отвезу ей чернил! Если что, выпьем вместе.

Он сел в автобус и уехал, а Ирка отправилась бродить по Сокольникам, замерзла и сама не поняла, как оказалась в небольшой парикмахерской, примыкавшей к парку. В той же, где она не так давно оставила свои длинные волосы. Мастер, которой досталась Ирка, была уже не та, что в прошлый раз, но тоже со склонностью к самовредительству. Ее голова была подстрижена под футбольное поле. Видимо, она уже сделала со своими волосами все, что смогла, и зашла в тупик. Правда, и в тупике она не растерялась и оставшийся на голове пушок ухитрилась покрасить в три цвета.

Ирка сидела на кресле и смотрела в зеркало. Ее волосы падали в бою, подкашиваемые ножницами. Потом пришла уборщица со щеткой и начала небрежно сметать их, смешивая с чужими волосами, лежащими у других кресел. С волосами рыжей крашеной старушки и маленькой девочки, под которую подложили что-то похожее на ящик, чтобы мастеру удобно было работать.

Ирка поймала себя на мысли, что абсолютно равнодушна к дальнейшей судьбе своих отрезанных волос. Она уже не признавала их частью себя. Ей было все равно, что будет с ними дальше. Сожгут ли их, набьют ли ими диван, или они окажутся на свалке.

«И с ногтями то же самое, – подумала она. – Я их отрезаю, и они уже все, не мои. В момент отделения от меня наша связь расторгается. Может, и с телом когда-нибудь так будет? Я буду смотреть на него сверху, и мне будет смешно и досадно, что я была к нему привязана?»

– Ну вот и все! – радостно сказала парихмахерша и, сдернув с Ирки накидку, с гордостью посмотрела на ее голову. – Нравится?

– Здорово! Совсем неузнаваемый человек! Встреть я себя на улице, я подумала бы, что где-то я эту девушку видела – но вот где? – сказала Ирка.

Из зеркала на нее смотрела решительная молодая женщина с крутым умным лбом и двумя точками румянца на скулах. Лоб, пожалуй, был даже слишком умный и слишком крутой. Стоило бы прикрыть его челочкой, чтобы не смущать лишний раз молодых людей, особенно в их низколобой разновидности.

Пока Ирка расплачивалась, вторая парикмахерша закончила стричь маленькую девочку. Оглядев свою работу и набело щелкнув пару раз ножницами, она с какой-то смущенной растерянностью выбежала в коридор, видимо в поисках ее мамы. Девочка терпеливо ждала, не пытаясь слезть с ящика, на котором сидела. В этом спокойствии маленькой девочки, которая просидела три четверти часа неподвижно и сейчас не пыталась бежать, было что-то непонятное.

Где-то хлопнула дверь, звякнув китайским колокольчиком. Это вернулась парикмахерша, которая уже и на улицу успела выглянуть.

– Твоя мама еще не приехала, а у меня следующий клиент, – обратилась она к девочке и тотчас, посмотрев на Ирку и оценив ее внешнюю добропорядочность, попросила: – Слушай, не в службу, а в дружбу! Можешь посидеть с ней, пока ее мама вернется? Всего несколько минут!

– Хорошо!

Улыбнувшись девочке, Ирка протянула ей руку:

– Ну, прыгай! Идем журналы посмотрим!

Предложение было хорошее, но девочка почему-то осталась на месте, а парикмахерша, внезапно испугавшись, заморгала круглыми глазами, о чем-то сигнализируя Ирке. Попутно она оттянула накидку чуть дальше от стула, словно для того, чтобы отряхнуть ее от волос, и Ирка увидела, что у девочки нет правой ноги по самое бедро, а рядом с креслом стоит костыль.

Если Ирка и растерялась, то не больше чем на секунду:

– А! Ну держи меня за плечо! Опирайся!

Она подхватила девочку под колено другой ноги и стянула ее с кресла. Едва оказавшись на полу, девочка резво запрыгала как воробей, взяла костыль и, умело сунув его под мышку, устремилась в коридор. Двигалась она невероятно быстро и ловко. Ирка едва за ней поспевала.

Оказавшись у кожаного дивана, девочка отбросила костыль и, ловко повернувшись, села:

– Ну давай журналы! Хотя нет, не хочу журналы! Давай разговаривать! Как тебя зовут?

– Тетя Ирка. Тьфу, Ира. Тетя, – поправилась Ирка, на которую новая ее прическа накладывала важность.

– Ага, Ирка, – кивнула девочка, почему-то сразу отбраковывая «тетю».

– А тебя как зовут? – спросила Ирка.

Девочка посмотрела на нее очень серьезно:

– Я капитан Сильвер! Я потому и протез не ношу, чтобы быть как он.

– А сколько тебе лет, капитан Сильвер?

– Сорок пять и восемь.

– Ясно, – сказала Ирка.

Какое-то время они молчали. Капитан Сильвер вертела на коленях журнал, но в журнал не заглядывала, а, вскидывая голову, быстро посматривала на Ирку.

– Я вижу то же, что и ты? Ну, что ты такая? – спросила она вдруг.

– Какая? – не поняла Ирка.

– Ну, особенная. Не такая, как все. Чудеса всякие можешь творить!

Ирка насторожилась. За все те годы, что она была валькирией, потом Трехкопейной девой и теперь Девой Надежды, ей никто не говорил таких слов. Никто из людей не замечал ее особой сущности, а те, кто замечал, строго говоря, уже и так обо всем знали, потому что и сами были призваны светом или мраком.

– Ну, не знаю, могу или нет! – сказала Ирка уклончиво. – А ты откуда знаешь?

– Я увидела в тебе лебедя. Потом волка. Потом человека. Волк и лебедь ушли, а человек остался, – спокойно сказала капитан Сильвер.

Ирка кашлянула:

– Ну да... Животные всякие – это да, зверушки – это хорошо. Бегают там, и все такое, – буркнула она, не зная, что еще сказать.

Указательным пальцем капитан Сильвер проковыряла в обложке журнала дыру и сквозь нее смотрела на Ирку. Со своей стороны Ирка видела большой детский любознательный глаз.

Ища, чем отвлечь девочку от опасной темы, Ирка пошарила в кармане и, обнаружив сосательную конфету, не съеденную потому, что она, подтаяв, намертво вцементировалась в бумажку, достала ее:

– Хочешь?

Капитан Сильвер занялась конфетой.

– Так все-таки, – сказала она, – что же будет?

– А я откуда знаю? – спросила Ирка. – Я не пророк.

– А все-таки?

Ирка честно задумалась:

– Все будет хорошо. Потому что все, что кажется плохим и трудным, вообще безвыходным, это на самом деле очень хорошо для нас. Только надо не спускать флаг.

Капитан Сильвер проделала в обложке журнала еще одну дыру и смотрела теперь на Ирку двумя глазами.

– Ничего не поняла! А со мной что будет? – спросила она.

– Тебе будет тяжело. Тяжелее и больнее, чем многим другим. Но от этого твой эйдос – только не спрашивай, что это! – будет становиться лучше, ярче. А потом, возможно лет через семь, ты станешь валькирией. И тогда, – Ирка искоса взглянула на ногу капитана Сильвера, – кое-что изменится. Но легче не будет. Напротив, будет еще труднее.

– Ага. Ясно, – просто сказала капитан Сильвер и еще проще добавила: – Я поняла. Ногтем надо.

– Чего «ногтем»? – не поняла Ирка.

– Бумажка к конфете присохла. Надо ногтем. У тебя ногти-когти есть?

Ответить Ирка не успела. Звякнул китайский колокольчик. Дверь распахнулась, и появилась запыхавшаяся женщина.

– Машину переставить хотела! А там одностороннее. Пришлось весь район объезжать, пока снова встала! – крикнула она виновато.

– Мама! А мне конфету дали! – радостно воскликнула капитан Сильвер.

Мама улыбнулась Ирке и протянула девочке руку. Мама капитана Сильвера совсем не была похожа на Бабаню, чего подсознательно ожидала Ирка. Она была компактная, бойкая, с очень живым лицом. Наверное, так будет выглядеть Ната Вихрова лет через пятнадцать, если жизнь, пожалев ее, пошлет ей проблемного ребенка. Потому что без заботы о ком-то Нате точно к свету не выкарабкаться.

Мама помчалась к парикмахерше извиняться и платить за стрижку, а капитан Сильвер подхватила свой костыль и длинными скачками понеслась к двери. У двери она обернулась к Ирке и крикнула:

– Я в машину! Ну пока! До встречи!

Дверь закрылась. Колокольчик прощально звякнул. Ирка выждала в парикмахерской еще минут пять. Ей почему-то не хотелось видеть, как капитан Сильвер и ее мама уезжают. Она сидела и разглаживала дырки, которые девочка просверлила пальцем в обложке журнала. Ни одна встреча не бывает случайной. Значит, и эта была для чего-то нужна. Возможно, ей предстояло сказать какие-то слова, которые запомнятся девочке. Сейчас эти слова уйдут на дно, но,

когда пробьет их час, всплывут. Или, возможно, девочка когда-нибудь станет валькирией-одиночкой, ведь ни одна валькирия не живет бесконечно.

Когда Ирка вышла на улицу, девочка и ее мама давно уехали. Остался лишь след мокрых шин на асфальте. Ирка отыскала знакомую лазейку в ограде Сокольников и вскоре была уже дома. Случайно у нее получилось вернуться одновременно с Матвеем. Он шел по аллее – уставший и весь пропахший рыбой, будто разгружал траулер. Даже на носу у него была чешуя.

– Ты что, подрался с ней? – спросила Ирка тревожно.

– Я не дерусь с женщинами! – возмутился Багров. – Это она со мной подралась!

– Что, просто так?

– Не просто так, – неохотно признал Матвей. – Я ее немножко заморозил, она меня чуть-чуть сглазила. Я ее слегка проклял, она меня маленько утопила. В общем, потом я отдал ей эти чернила, будь они неладны, и предупредил, что это в самый последний раз. Надеюсь, она поняла.

– Она их пьет? – спросила Ирка.

– Нет, романы пишет! Пьет, конечно! – сказал Матвей. – Хотя клялась, что не одна пьет. Якобы у нее там бригада водяных, которые занимаются ремонтом бассейна. И что даром они не работают.

– Врет? – спросила Ирка.

Багров пожал плечами:

– Ну, врёт не врёт – судить не берусь... Врут только откровенно глупые женщины. Те, что поумнее, настолько верят своей лжи, что она становится для них правдой.

– А водяных ты видел?

– Одного видел. Упитанный такой дядечка водоизмещением литров на четыреста. В такого много чернил войдет.

Ирка, медленно подняв руку, коснулась своей головы.

– А теперь пугайся! Готов? Трум-пурум-пум-пум! – сказала она и, выдохнув, сдернула с себя шапку.

Она ожидала от Матвея какой-то реакции, но лицо у него осталось непроницаемым, как у игрока в покер. Она даже усомнилась, заметил ли он, что у нее изменилась стрижка.

– Ну? Хорошо? – спросила Ирка с тревогой.

Матвей начал открывать рот.

– погоди! – перебила Ирка. – Только не повторяй, что за короткие волосы девушек хвалят только их злейшие враги в надежде на то, что они поведутся и в следующий раз вообще снимут с себя скальп. И про то, что женщина, оказавшаяся в парикмахерской, – это баран, сам себя приведший на заклание, тоже не надо. Это я уже слышала. Надоело!

– Тогда я лучше вообще промолчу. Тебя сразу душишь или потом, умная ты моя? – спросил Матвей ласково.

– Но я же стриглась ради тебя! – воскликнула Ирка чуть ли не со слезами.

– Тогда я сейчас ради тебя убью вон ту собаку и нескольких кошек! И, может, кого-нибудь из прохожих.

– Не смешно.

– Ну тогда и ты не говори, что сделала это ради меня. Ради меня нужно было сварить суп. Или убратся в комнате.

– Ага! Суп тебе! Шазз! Ты тот еще домостроевец-эксплуататор!

– Примерно! – согласился Багров. – «Дороже она многоценного камня. Радует на нее муж ее. Увидев поле – покупает: от плодов рук своих насадит пашню. Крепко подпоясав стан свой, укрепит руки свои на дело. Муж ее замечен всем у ворот, когда сядет на совете со старейшинами и жителями земли».

– Откуда это? – спросила Ирка жадно.

– Не скажу. Если интересно, сама посмотри. Интернет есть.

Ирка слегка надулась:

– Интересно, а Мефодий тоже домостроевец? Заставляет Дафну делать супчики?

– Ну уж не знаю. Зато знаю, что из волос Мефодия можно выкроить семь твоих теперешних стрижек. Или, пожалуй, даже восемь! – сказал Матвей, и Ирка, не выдержав, расхохоталась. Матвей тоже рассмеялся. Лед, возникший было между ними, растаял.

Но смеялись они недолго. Одновременно спохватились и посмотрели друг на друга.

– Прости, дурак я! Мефодий же... – начал Матвей.

– Не надо. Знаю, – быстро сказала Ирка, зажимая ему рот рукой. – Ты сказал все правильно. Из его волос действительно можно выкроить семь моих теперешних стрижек.

Глава шестая

Новая валькирия

Пока человек не готов умереть ради победы, он не готов и победить.

Арей

После обеда Ирка и Багров собирались встретиться с Брунгильдой. Встреча у них была назначена в бассейне небольшого спортивного центра, у входа в который болтались полусдутые воздушные шары.

– Без справки не пуцу! И без пропуска в клуб! – строго сказала молодая администраторша, которая была, может, всего на год старше Ирки.

– А без ласт и акваланга? – сказал Багров.

– В смысле? – напряглась администраторша.

– В смысле, что в воду мы явно не полезем, – сказал Матвей. – Мы просто подождем там одного человека, хорошо? Динамит в бассейн обещаем не бросать.

И он положил рядом с администраторшей шоколадку.

– Игорь, нет, ты видел?! Мне взятку дали! – крикнула администраторша похожему на медведя охраннику.

– Какую? – басом откликнулся тот.

– Шоколад!

Охранник засопел и медленно наклонился вперед, нашаривая что-то в тумбочке.

«Дубинку!» – подумал Багров.

Охранник достал из тумбочки чайную чашку и затопал к администраторше.

– Плесни-ка кипяточку, мать! – сказал он сурово.

Ошеломленный Багров обнаружил, что охранник сочетает защитную форму со шлепанцами. Хотя в чем еще охранять бассейн? Было бы хуже, если бы он надел сапоги поверх водолазного костюма.

Администраторша плеснула ему кипяточку.

– Чего стоим, кого ждем? – обратился охранник к Багрову, протягивая крабовую клешню к шоколадке. – Бахилы надевайте – и вперед!

Послушно надев бахилы, Ирка с Багровым вышли к бассейну. Бассейн был не слишком олимпийского направления. Серьезно плавала там только плечистая тетенька в красной резиновой шапочке и спортивных очках. Кролем, брассом, на спине. В ее движениях и, главное, в квадратных плечах ощущалась серьезная подготовка. Остальные просто плескались, пользуясь тем, что бассейн стыковался с мелкой полукруглой чашей, вода в которой подсвечивалась бьющими со дна разноцветными прожекторами.

– Где Брунгильда? – спросил Матвей.

– Понятия не имею. Ждем-с! – ответила Ирка и, чтобы не скучать, стала разглядывать молодые пары в чаше бассейна. Остаться в неподвижности ее мысль не умела.

Ирка сидела и наблюдала. Вот эту красивую девушку ее спутник почему-то постоянно носит на руках. И в воде носил, и на берегу еле-еле с рук спустил. Ирка даже подумала поначалу, не инвалид ли она. Нет, фигурка хорошая, ножки крепкие. Но вот только не кормят ли ее с ложечки – не факт. Молодой человек абсолютно все делает за нее. Даже побежал вот за халатом, хотя ей до этого халата идти шага полтора, а ему пришлось протискиваться между пластиковых шезлонгов и перелезть через какого-то пузана.

Получившая халат куколка поощрила молодого человека очень лаконично. Подняла правую руку и пальцем в красной окантовке маникюра слегка ткнула его в нос, точно это был выключатель.

– Пык! – громко сказала она, и вот он уже счастлив. Собачка получила поощрение.

А вот и вторая пара. Непрерывно воркуют под огромным грибком, с краев которого стекают потоки воды, и повторяют: «Мой клювик... мой лобик... мое ушко... моя шейка!», не соображая, что вода вообще-то разносит звуки.

– Типичный некромаг! Стопроцентно наш кадр! – одобрил Матвей. – Она еще жива, а он уже прикидывает, что можно взять на бульон.

Ирка молча толкнула его локтем и стала разглядывать третью пару. Эти были в стилистике Верхнего Тартара. Оба худые, смуглые, в татуировках. Движения как у охотящихся гепардов. Стремительно догоняют друг друга в воде, сбивают с ног, захватывают руками за шею. Причем хорошо так душат, без халтуры. Девушка мало чем уступает юноше. Вот она освободилась от захвата, притопила своего спутника и, встав ногами ему на спину, издает торжествующие вопли победителя.

Но все же самой интересной была пара номер четыре. Молодой человек лежал спиной на воде, подложив под голову плавающий коврик, и лениво поглядывал по сторонам, а девушка буксировала его от одной стенки чаши к другой.

– Тут холодная струя бьет! Ты что, не чувствуешь? Туда тащи! – говорил он капризно, и девушка ответственно тащила его в другую сторону.

– Это и есть твой идеал, сидящий на лавочке у ворот, пока его жена покупает поле? – шепотом спросила Ирка у Багрова.

Тот отмахнулся. В этот момент квадратная тетенька в плавательной шапочке вылезла из бассейна. Она стянула шапочку, сняла очки, закрывавшие значительную часть лица, и Ирка узнала Брунгильду. И ей сразу же стало неловко, что она не узнала ее раньше. Как она не свела воедино мощную фигуру, буквально вспахивающую воду, и то, что Брунгильда назначила им встречу в бассейне!

– Идите сюда! Идите же! – закричала она и дружелюбно махнула рукой, бицепс на которой был мощнее бедра среднего мужчины. Причем совершенно очевидно, что таким сотворила его природа, потому что со штангой Брунгильда явно не занималась.

Парень и девушка, похожие на гепардов, перестали возиться в воде и оба, вытянувшись как солдатики, неотрывно смотрели на Брунгильду. В их глазах было почтительное уважение мелких хищников, которые видят хищника крупного.

– Ну где же вы? Я не могу к вам подойти! – снова закричала Брунгильда.

Ирка удивленно посмотрела себе под ноги. Между стулом, на котором она сидела, и Брунгильдой не было непреодолимых препятствий. Ни шезлонгов, ни разбитых стеклянных стаканов. Только десять шагов по кафелю.

– Почему не можешь? – спросила она осторожно.

– А если грибок? Я оставила шлепанцы с другой стороны бассейна! – плаксиво объяснила Брунгильда.

Ирка и Багров подошли к Брунгильде.

– О чем ты хотела поговорить? – спросила Ирка.

– Не здесь! – сказала та, озираясь. – Давайте у вас в автобусе!

– Почему?

– Вдруг кто-то подслушает? Вон те двое смотрят!

– Они далеко, – сказала Ирка. – А если мрак, так от него и автобус не спасет. Разве что охранную руну нарисовать.

– Все равно. Не здесь! – сказала Брунгильда и отправилась в раздевалку.

У дверей мужской душевой, толкаясь, громко ругались два парня.

– А ну тихо мне тут, герои! Развоевались! Здесь женщины! – рявкнула на них Брунгильда. Парни обернулись на голос, явно собираясь что-то вякнуть, но, увидев Брунгильду, пугливо смолкли и юркнули за дверь душевой. Слышно было, как они стоят там и сопят, шепотом обмениваясь впечатлениями.

– Спаслись, герои? Хорошее место нашли? – спросила в щелку Брунгильда.

Один из парней промолчал, а другой, немного выждав, распахнул дверь, высунул голову и, думая, что Брунгильда ушла, задиристо крикнул:

– Слониха! Мамонт в юбке!

Крикнул он это вперед, туда, где, как ему казалось, находится Брунгильда. Но Брунгильды там не оказалось, и парень, опомнившись, замолчал, не понимая, куда подевалась слониха. На его лице, которое начало медленно поворачиваться, стало проступать жутковатое понимание, когда Брунгильда с силой надавила ладонью на дверь, прижав парня поперек груди. Тот захрипел, пытаясь освободиться, но шансов у него не было.

– Ты нехороший человек! – сказала Брунгильда. – Ты женщин обижаешь! Зачем тебе жить? Ты же все равно вымрешь как динозавр, потому что женщины тебе потомства не оставят!

Парню было не до философии.

– Коля, помоги! Меня задушат! – просипел он, призывая на помощь друга.

Позванный Коля бросился к нему и стал толкать дверь от себя. Несколько секунд Брунгильда без усилий сопротивлялась сразу двоим, а затем резко отпустила дверь, и оба парня, не удержавшись, повалились один на другого. Валькирия каменного копья, наклонившись, подхватила одного левой рукой, а другого правой, подтащила к бассейну и толкнула в воду.

– Смойте дурь! С женщинами сражаться невыгодно. Победа славы не принесет, а поражение вдвойне позорно, – сказала она.

Похожая на гепардов пара в восторге захлопала, пара под грибком перестала обниматься, и даже молодой человек, которого девушка таскала на коврике, утруился повернуть голову, посмотрел на Брунгильду и сказал своей девушке:

– Настя! Это дико смешно! Можешь смеяться!

Настя послушно засмеялась. Ее спутник придирчиво посмотрел, как она смеется, и добавил:

– Но при этом ты меня, пожалуйста, вези! А то тут вода холодная! Смейся, но вези!

Но, увы, Брунгильда не сумела остаться на пьедестале победы до конца своего пребывания в бассейне. В момент наибольшего торжества она устала на свою руку, пошатнулась и побледнела:

– Ой, кровь! Откуда? А, это длинный меня укусил, когда я его тащила! Что теперь будет? Вдруг он какой-нибудь заразный? Надо срочно сдать его на анализы! Где он? Дайте мне его сюда!

И дальше началось уже сплошное безобразие, больше похожее на разудалую семейную ссору, чем на сражение. Брунгильда гонялась за долговязым парнем по всему бассейну, вопила и пыталась забрать его с собой. В конце концов бедный парень, полуживой от ужаса, спрятался в туалете, а его приятель в раздевалке. Они сидели там и, не рискуя открывать двери, перекивались.

– Миша, ты жив? Ты где? – кричал один.

– А ты где?

– Я в туалете! Она не ушла еще, нет? Может, полицию вызвать?

– Лучше сразу десант. Советую покричать в унитаз. Оттуда вынырнет водолаз с подводным ружьем, – мрачно сказала Брунгильда и, капая на укушенную руку нестерильными слезами, отправилась одеваться.

Ирка и Багров ждали ее в фойе. Брунгильда появилась минут через пять. Перед дверями на улицу она остановилась и стала искать шапку.

– После бассейна нет ничего хуже сквозняка! Чуть-чуть продуло, температура тела понизилась до тридцати шести и – фьють! – началось стремительное размножение микробов! – поведала она, волнительно дрожа губами.

– А разве не ты говорила, что плавала прошлой зимой в полынье? – напомнила Ирка. Брунгильда задумалась.

– Ну, допустим, плавала, – неохотно признала она. – Но ведь это полынья! И потом, даже в полынье я не снимала шапку... Пошли к вам в машину! Не хочу разговаривать на холоде!

Багров пустил Брунгильду в автобус.

– Теперь поехали! Я хочу, чтобы печка работала! – велела Брунгильда.

– Куда поехали?

– Куда-нибудь. Люблю просто кататься. Только верните меня потом назад, у меня здесь машина!

Багров завел двигатель и тронулся. Тем временем Брунгильда распотрошила автомобильную аптечку и, промыв укушенный палец перекисью, обложила его сухим льдом.

– А! Обгоняй его! Обгоняй! – закричала она, показывая на вынырнувшую перед ними белую «Мазду».

– Зачем? – спросил Багров. – Здесь до перекрестка триста метров. Ну погоню как псих на холодной машине, посажу двигатель, а потом он будет стоять сзади меня на светофоре и издеваться!

– А! И правда! – удивленно сказала Брунгильда. На десять секунд она замолчала, а потом снова начала кричать: – Тормози! Тормози! Куда ты гонишь? Мы сейчас врежемся!

– В кого? – снова спросил Багров, пытаясь найти, в кого тут можно врезаться.

– Вон в ту «Газель»!

– Она же далеко.

– Сейчас далеко, а когда-нибудь потом будет близко.

Матвей осторожно выдохнул.

– Ты позвала нас на встречу! Хотела что-то сказать! – напомнил он.

Брунгильда решительно кивнула:

– Короче, вот! Цель встречи! Я хотела попросить тебя о дополнительных тренировках! Через три недели бой с Черной Дюжиной. Они нашли замену Джафу, и вроде неплохую. Фулона говорит, что только каменное копьё вскрыет стену их щитов. Другого тяжелого копья у валькирий все равно нет.

– А моя рунка какое копьё? – ревниво спросила Ирка.

Брунгильда растерянно почесала нос.

– Получилось, что я проболталась. И, главное, никто не поверит, что я сделала это случайно, – пробормотала она. – Да, рунка, конечно, тяжелое копьё. Но... э-э... сражаться в строю валькирий ты больше не сможешь.

– Почему? – крикнула Ирка, не узнавая собственного голоса. – Я Трехкопейная Дева!

– Нет, – сказала Брунгильда. – Ты Дева Надежды! Только не спорь со мной и не вдавайся в магические подробности. Я все равно в них ничего не пойму. Это решение Фулоны, и она его не изменит.

Что было дальше, Ирка помнила плохо. Ее точно захлестнуло. Она кричала на Багрова, чтобы он гнал. Кажется, даже пыталась, наклонившись, нажимать рукой на педаль газа. Брунгильда то вопила от восторга, что они так гонят, то ее начинало трясти и она требовала у Багрова немедленно остановиться. Закончилось все тем, что на одном из перекрестков Брунгильда не то выпала, не то выпрыгнула из автобуса. Потом, уже в той части Москвы, где жила Фулона, Багров снес кому-то зеркальце, и Ирка, выскочив, побежала. Она не помнила, какими дворами бежала и как находила дорогу. Запомнила только, как дышала через шарф и как во рту вкус шарфа смешивался с железистым вкусом крови.

Хорошо, что она не телепортировала, забыв о самой возможности телепортации. Это сохранило ей жизнь, потому что в таком состоянии успешных телепортаций не бывает. Дальше Ирка помнила, как ворвалась в подъезд Фулоны и забарабанила в дверь. Фулона уже открыла, а Ирка, не понимая этого, продолжала бить в дверь руками и ногами. Она колотила ее так, словно перед ней был человек, прикончивший всех ее родственников.

Фулона, не пытаясь вмешаться, с понимаем наблюдала, как избивают ее дверь.

– Знаешь что, – сказала она ласково, – давай-ка я оставлю вас наедине! Ты стучи в открытую дверь, не стесняйся, а я пойду поставлю чайник. А потом, когда надоест, вспомни, что у меня есть и звонок. Кнопочка такая! И когда я услышу, что ты звонишь, я пойму, что ты успокоилась.

Фулона даже не дошла до кухни, когда Ирка перестала стучать и начала звонить.

– Нет! – сказала Фулона. – Слишком быстро! Дверь еще не совсем доломана. Давай-ка ты постучи еще, а потом мы будем приводить в порядок твои руки! Ты, кажется, поранилась.

Потом в памяти у Ирки опять наступил короткий провал, и она опомнилась уже на кухне, когда откуда-то появившаяся Гелата лечила ей разбитые костяшки, ради забавы рисуя Ирке на коже зеленкой бабочек и стрекоз.

– Дизайнерская медицина! – щебетала она. – Плохой доктор просто ляпнет пятно зеленки, увидит, что заражения нет, и сочтет свою миссию выполненной! А мы, смотри, подрежем у пластыря края и сделаем стрекозе тело, а зеленкой нарисуем крылышки!

Слушая Гелату, Ирка дико засмеялась, потом заплакала, потом опять засмеялась и заплакала. И, как ни странно, ей стало легче.

– Это уже истерика! Она дизайнерской медициной не лечится. Хотя, конечно, таблеткам валерьянки тоже можно приклеить какие-нибудь съедобные крылышки, – сказала Гелата.

Постепенно Ирка перестала всхлипывать. До нее стало доходить, что это конец. Завершение целого периода жизни. Валькирий Ирка ощущала как нечто мелко-целостное, составленное из разных характеров, привычек, образа жизни, но одновременно безмерно единое. Раньше и она была частью этого единства, а теперь из него выпала, как выпавший зуб сразу становится куском непонятно чьей кости. И опять ей вспомнились отрезанные волосы. Такими же волосами теперь стала и она. Бабка со щеткой, где ты? Сметай меня! Бросай меня в ведро!

– Я спокойна, – сказала Ирка. – Теперь я спокойна! Значит, я больше не валькирия, не Трехкопейная Дева и не имею к вам никакого отношения!

– Ну почему? К нам ты отношение имеешь и будешь иметь. А использовать Деву Надежды в битве нельзя. Валькирии заменяемы, Дева Надежды – нет... – Фулона сказала это так спокойно и одновременно просто, что Ирка поняла, что решения своего она не изменит.

– Дева Надежды бессмертна! – напомнила Ирка.

Фулона взглянула на Гелату:

– Объясни ей! Это по твоей части!

– Да, бессмертна. Но бессмертие это весьма относительное, – заявила Гелата. – Как видишь, когда ты была по двери, твои руки сами собой не заживали. Или заживали?

– Не заживали, – буркнула Ирка.

– То-то же. И когда мрак приковал тебя к коляске, ты тоже не начала прыгать по улицам на второй день после аварии. И гриппом ты болеешь, и другие болячки липнут к тебе не меньше, чем к остальным. Если мрак тебя искалечит, ты просто станешь искалеченной Девой Надежды – вот и все.

– Я могу сражаться рункой!

– Можешь, – признала Фулона. – Чисто технически ты, конечно, помнишь, как это делается. Но полного единения с рункой у тебя уже не произойдет. Ты не растворишься, не составишь со своим оружием единого целого, и мрак этим, конечно, воспользуется.

– Чем? – слабо крикнула Ирка.

– *Этим.* Тартарианцы же не слепы. Как боец ты стала хуже. Твой гнев – только не ломай мне двери, это ничего не доказывает – уже какой-то искусственный. Это гнев слабости, а не силы. Ты стала добрее и мягче. Отныне твой путь – помощь и сострадание, а не битва. Ты будешь дарить надежду, зажигать погасших, поднимать упавших! Чтобы сохранить тебя, мы все готовы погибнуть! Мы воительницы, солдаты, в нас этого нет!

В голосе Фулоны, который всегда казался Ирке суховатым, административным таким голосом, теперь звучали любовь и истинное увлечение. И Ирка чутко откликнулась на эту любовь. Она всегда чувствовала правду и искренность порыва.

– Но у вас теперь нет двенадцатого! Вас теперь снова одиннадцать! Даже с Брунгильдой, Дашей-одиночкой и Маларой!

– Да! – согласилась Фулона. – Одиннадцать. Арифметика верная. Но не совсем... Иди сюда!

Она встала и, переглянувшись с Гелатой, поманила Ирку за собой в комнату.

На голубом, вытканном рыбками покрывале что-то лежало. Что, Ирка не видела, видела лишь длинный след, продавленный тяжестью этого предмета на покрывале.

– Дай руку! – велела Фулона. – Коснись! Нет, не здесь! Тут порежешься!

Ирка коснулась и ощутила холод, пробежавший по правой руке от кончиков пальцев до плеча и от плеча до сердца. Дыхание перехватило. Ирка отдернула руку и начала растирать пальцы, восстанавливая кровообращение.

– Ну? Почувствовала? – спросила Фулона.

– Ледяное копье! – прошептала Ирка.

– Да! Ледяное копье Джафа. Хотя почему Джафа? Оно не принадлежало ему изначально, а было всего лишь его трофеем. Теперь это опять копье валькирий, – сказала Фулона. – Единственная сложность – мы не можем найти ему хозяйку.

– Почему?

– Этим копьем была ранена Дафна. Затем им же убит Мефодий. Оно совершило и много другого зла и пока не очистилось. Обычному человеку его не вручишь. Оно уничтожит своего владельца.

– Как?

– Как угодно. Любая уловка, вроде отколовшейся ледяной щепки, которая вонзится хозяйке в глаз. Оно способно на все.

– Да, тяжелый случай. И кому вы его отдадите? – спросила Ирка.

Фулона пожала плечами:

– Не знаю. У меня пока нет кандидатов. Слишком сложные условия поиска. Оно должно принадлежать той, кто ощущает себя мраком, но уже внутренне отвернулась от него. И это должна быть девушка волевая, с таким характером, чтобы нравное копье согласилось признать ее власть над собой. Такая девушка, как...

– ...Прасковья! – ляпнула Ирка не задумываясь.

– Что?! – вздрогнув, переспросила Фулона.

– Простите! Само как-то вырвалось... Конечно она не подходит! – торопливо сказала Ирка.

Глава седьмая

Глиняшки

Тогда и студенты, и студентки повторяли в каком-то экстазе:

– Человек – червяк!

В этой формуле для них сидело все учение, которое получило смысл не один только научный, а и революционный.

Боборыкин о влиянии Дарвина

Ильга, Радулга и Гелата стояли в метро на станции «Митино» и ждали остальных.

– Моя машина в сервисе! Я просила у них на замену хотя бы «Форд», но у них не оказалось свободных! – каждую минуту повторяла Ильга.

Она ужасно боялась, что кто-нибудь из знакомых случайно увидит ее здесь. Для офисной красотки оказаться в метро – это такое же запредельное падение, как принять звонок по скайпу ненакрашенной.

Грохоча, подкатил поезд. Валькирии разом повернули головы, загадывая, кто будет следующим. Из поезда появилась Малара, долговязая, гибкая, обманчиво ленивая в движениях. На плече у нее висела огромная сумка со снаряжением. И никакого оруженосца рядом.

– А где твой... – начала Гелата.

– Высадили на кольцевой! Подрался там с одним... Тот за травмат, а мой за кулак. В общем, не разошлись, – с зевком сказала Малара.

– А-а, – протянула Ильга, – бывает! А я, видишь, на метро, среди простого народа!

Малара, щурясь, отвернулась. Вид у нее был скучающий. На следующем поезде приехали Ламина и валькирия-одиночка Даша. Ламина в вагоне познакомилась с двумя «мужчинками», как она их называла, и вместо своего телефона дала им телефон своей мамы, которой надо было срочно вскопать на даче огород.

– Если хоть один позвонит, то я олень! А если приедет и сможет вытерпеть мою маму два часа подряд, то я лось! – сказала она Даше.

Даша устало кивнула. На куртке у нее была шерсть, ботинки в грязи, а из карманов сыпался овес. Утро она провела в конюшне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.